

РОМАНТИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ

Развод с драконом

Я тебе не жена

Александр Витальев

Александр Витальев

Развод с драконом.

Я тебе не жена

<https://litres.ru/74283983>

SelfPub; 2026

Аннотация

Муж-дракон Радан Опп публично выбрал родовой долг и развелся со мной ради новой невесты. Я открыла ателье свадебных платьев на свое имя и впервые сама распоряжаюсь деньгами, тканью и судьбой. Теперь он приходит ко мне как заказчик, а зачарованная ткань показывает, что его новая свадьба прикрывает заговор против города. Я согласна спасти людей, но больше не позволю ему называть меня женой или покупать мою помощь прежней властью.

Содержание

Глава 1. Письмо на столе	4
Глава 2. Ключ от кухни	21
Глава 3. Чужие духи	38
Глава 4. Общий обед	56
Глава 5. Сломанная дверь	78
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Александр Витальев

Развод с драконом.

Я тебе не жена

Глава 1. Письмо на столе

Письмо лежало на столе брюшком вверх, и я полчаса не решалась его перевернуть. Плотная бумага, водяной знак дома Исс по самому краю, медная подпись на обратной стороне. Не сплетня, не вызов на разговор у фонтана — заказ. Жене моего бывшего мужа понадобилось свадебное платье, сшитое моими руками в моем доме, после публичных ударов в медную доску и грязной лестницы в чужом подъезде, где я теперь жила.

Я перевернула лист. «Мира Лейн, мастерица, мне нужен свадебный наряд, сшитый вашими руками и в вашем доме. Плату обсудим лично. Принимаю отказ и клевету. Тисса Опп». Я прочла вслух, потому что мне нужны были уши, кроме моих. Сель убежала к Ире Ло за пирогами, и в мастерской стояла тишина, пахнувшая нагретой пылью и медной краской.

Подпись стояла чернилами с медным отливом, не смывающимися с кожи. Такие чернила берут для бумаг, которые

потом не стыдно показать совету. Если Тисса Опп поставила такую подпись, значит она действительно хотела, чтобы я сшила ей свадебное платье, и я впервые решала не за кого, а перед кем.

Скрипнула лестница. Не Сель — та влетает как курица по жердочке. Это был Тирр, городской инспектор ремесел, мой бывший наставник. Он когда-то отказал мне в ученичестве, потому что я была женой дракона и якобы не нуждалась в серьезном шитье. Сейчас он стоял в дверях так, будто его сюда не звали, потому что его сюда действительно никто не звал.

— Мастерница Лейн, ты читала заказ от дома Опп.

Вопрос был точный. Я смотрела ему в воротник, потому что воротник у него был серый и несвежий, и это занимало меня сильнее, чем весь совет. Я ответила вслух, чтобы и я, и манекен в углу, и пресс-папье с гербом квартала запомнили.

— Я читала, инспектор. И я мастерница Лейн. Не бывшая, не жена, не удобная, не тихая. Мастерница. Если дом Исс присылает мне письмо с медной подписью, я отвечу письмом с медной подписью. Если они хотят клеветы, я отвечу отказом, заверенным у старосты квартала, и занесу отказ в гильдейскую книгу, чтобы в следующий раз они не совали мне конверты, не спросив у гильдии, имею ли я право их читать.

Тирр хмыкнул. Он не поверил, но он услышал. Я встала, сняла с полки чистый лист гильдейской бумаги и начала писать ответ, не снимая фартука. Рабочий фартук у меня те-

перь один, и ради писем я его снимать не собиралась.

Снизу хлопнула дверь чайной, и Ира Ло крикнула, что у нее горячий хлеб и холодный ум, и что если мне нужны свидетели подписи, она поднимается через две минуты. Я улыбнулась в воротник, потому что впервые у моего стола стояли те, кому я сама разрешила стоять.

Краска для подписи лежала в медной плошке у окна, пахла железом, горелым маслом и чужими деньгами. Я развела ее водой из кувшина, потому что Тирр сидел напротив и смотрел, как я работаю, а он имел привычку принохиваться к каждой моей ошибке.

Я писала медленно. Когда перо идет медленно, клиент платит дважды, а если перо летит, клиент платит вперед и не торгуется. Тисса Опп получит ответ, от которого у нее в спальне станет тесно.

«Дому Исс, лично Тиссе Опп. Мастерница Лейн принимает заказ на свадебный наряд. Условия: мерка снимается в моем ателье, ткань закупается гильдейским мастером, подкладка проходит через храмовый огонь без посторонних свидетелей, оплата задатком в десять золотых до первого примерочного дня, окончательная цена оглашается после снятия мерки и не подлежит пересмотру. Срок изготовления шесть недель, считая от получения задатка. Подпись мастера и печать гильдии ткачей прилагаются. Отступление от любого пункта дает мне право вернуть задаток в тройном размере и закрыть заказ без объяснения причин. Мира Лейн, масте-

рица».

Я поставила последнюю букву и подвинула к Тирру лист и медную печать, не спрашивая разрешения.

— Поставьте печать инспекции, мастер Тирр. Или скажите вслух, что я нарушаю устав, потому что тогда я закрою ателье до конца сезона и подам жалобу в городской совет на то, что меня вынуждают нарушить.

Он не двинулся, и я не двинулась. На лестнице скрипнула Хельга, потому что Сель вернулась не одна, а с двумя пирогами, и от запаха горячего теста у меня свело желудок.

— Хельга, поставь чайник, — сказала я не оборачиваясь. — И позови Иру Ло, потому что мне нужны два свидетеля подписи, а у меня кроме инспектора, который молчит как продажная мебель, никого нет.

Хельга грохнула пирогами на стол, фыркнула и ушла. Сель осталась стоять у двери с набитым ртом и круглыми глазами. Я не стала ее выгонять, потому что четырнадцатилетняя сирота в моем ателье имеет больше права на пирог, чем Тисса Опп на мое молчание.

Тирр наконец подвинулся. Я видела, как у него дернулась щека, когда он брал печать, и как он отвел глаза от подписи, потому что подпись была моя, и моя буква «М» в этот раз не походила на герб дома Опп. Он прижал печать к шнурку, набрал краски и поставил оттиск ровно там, где я указала пальцем. Круглый, без трещин, по кругу шла надпись «гильдия ткачей, Старый квартал». Я впервые за месяцы переста-

ла дышать сквозь зубы.

Ира Ло поднялась через две минуты и принесла с собой не чайник, а собственную подпись и собственный почерк, кривой и злой, который я любила как родной. Она прочла письмо вслух, не спрашивая разрешения.

— Десять золотых задатком. И подкладка через храмовый огонь без посторонних. И право вернуть в тройном размере. Мира, ты либо очень умная, либо очень злая, и я подпишусь под обоими вариантами.

Она расписалась на копии, я приложила печать гильдии к своей подписи, и тут на лестнице стало тесно. Снизу кто-то поднимался, тяжело и медленно, и я узнала этот шаг раньше, чем увидела перчатку.

Я выпрямилась за столом. Фартук на мне был рабочий, печать лежала на месте, письмо было подписано и заверено. Радан Опп мог войти как дракон, как заказчик, как бывший муж, но в моем ателье он сейчас был никто, и я собиралась ему это объяснить, не вставая с табурета.

Шаги были те самые — тяжелые, неровные, через ступень, чтобы я успела собраться с мыслями. Я не собралась. Я выпрямила спину, положила ладонь на подписанный лист и стала смотреть на дверь.

Он вошел без стука, но в перчатке. Перчатка означала, что он помнит про формулу и про подпись в гильдейской книге, но зашел все равно. Я поняла, что он либо принес деньги, либо принес беду.

— Мира, — сказал он, и у Тирра дрогнули плечи, а у Иры Ло сжались губы. Ира сделала полшага вперед и встала так, чтобы заслонить меня плечом. Я была ей за это благодарна, но вслух ничего не сказала, потому что благодарность в ателье пахнет дороже любой ткани.

— Мастерница Лейн, — поправила я его ровно. — Сейчас разводный сезон, и вы это знаете. В ателье я для вас мастерица, на улице соседка, в гильдии заказчица, и нигде, слышите, нигде бывшая жена, потому что бывшей жены у вас нет, есть мастер, который шьет по договору.

Он остановился у порога. Рука в перчатке лежала на дверном косяке, и я видела, как под кожей ходят желваки. Я знала его слова заранее: про срочность, про долг рода, про то, что Тисса плохо себя чувствует, что платье нужно к четвергу, что он заплатит вдвое. Он не обманул.

— Платье к четвергу. Тисса не выходит из дома. Я заплачу вдвое. Я подпишу все, что скажешь.

Он говорил коротко, без обычной хрипотцы, и я поняла, что он не спит вторую ночь. От него пахло не духами Тиссы, а медной бумагой и горелым маслом, и это меня сбilo сильнее, чем любая клятва.

Я подождала, пока он замолчал, и подвинула к краю стола заранее заготовленный лист.

— Договор, мастер Опп. Стандартная форма, подпись у печати гильдии. Мерка у меня в ателье, ткань гильдейская, задаток десять золотых вперед, без задатка я не начинаю. Ва-

ша невеста получит платье через шесть недель, считая от получения задатка, и ни часом раньше. Если она хочет к четвергу, она покупает готовое платье в лавке у моста, и я туда не ходящая.

Радан смотрел на лист так, будто под бумагой лежала змея. Потом он стянул перчатку — медленно, палец за пальцем — и я увидела, что ладонь у него обожжена. Кожа по краям была розовой, а в центре темной, с рисунком, похожим на вензель дома Исс. Я промолчала. Я знала этот ожог: подкладка через храмовый огонь, нить моей крови в шве, обещание, которое он дал Тиссе у алтаря и не сдержал. Если бы я спросила, он бы соврал, а если бы он соврал, ожог бы задымился, и я бы получила улику, но потеряла его как заказчика. Я молчала и ждала, пока он сам решит, чего хочет больше: чистой сделки или правды.

Он взял перо. Я видела, как он поднес его к чернилам, как замер на секунду, и как рука с обожженной ладонью сжалась чуть сильнее, чем нужно. Он поставил подпись, и я впервые увидела его подпись без герба, без титула, просто имя, и имя было короче, чем я помнила.

— Десять золотых, — сказал он. — Где платить.

— У печати гильдии, — ответила я. — И не здесь. У Тирра, внизу, на свежем воздухе, потому что у меня в ателье сейчас свадебный заказ, и чужие деньги на моем столе оскорбляют ткань.

Он кивнул, Ира Ло шагнула к двери, чтобы открыть ему

выход, и он пошел за ней, не оглядываясь. Я сидела за столом и слушала, как его шаги стихают на лестнице, и думала о том, что ожог у него на ладони будет нить всю дорогу до казначейства.

Я дождалась, пока закроется дверь, и только тогда позволила себе выдохнуть. Табурет подо мной скрипнул, я размяла плечи, подвинула к себе подписанный лист и перечитала строчку, где он расписался без герба. Строчка была ровная, имя короткое, я трижды проверила, что подпись стоит именно там, где должна стоять.

Тирр кашлянул. Он стоял у края стола, руки лежали на печати так, будто он не решался ее отпустить. Он смотрел на меня поверх листа, и я впервые за долгое время увидела в его глазах не проверку, а усталость.

— Мира, — сказал он, и я снова поправила его мысленно, но вслух не стала, потому что Тирр был инспектор, а не бывший муж, и ему я могу простить имя. — Ты понимаешь, что он придет за подкладкой. Не за платьем. За тем, что вшито в шов.

Я знала это с того момента, как увидела ожог. Я сложила лист пополам, спрятала его в ящик стола под замок и повесила ключ себе на шею, на тот же шнурок, что и медная бляха гильдии.

— За подкладкой не придет, — ответила я. — Он придет за тканью. За всей тканью, потому что я вшила нить в каждое полотно, которое у него осталось в доме, и он этого пока не

знает.

Тирр поднял брови, и я увидела, как у него дрогнули пальцы на печати. Ему стало стыдно за то, что он когда-то отказал мне в ученичестве, и стыдно ему было правильно.

Сель все еще стояла у двери, сжевала пирог, крошки лежали у нее на подбородке. Я не стала их вытирать, потому что мне было не до того. Я подошла к верстаку, достала из-под прилавка свой собственный рулон — тонкий, серый, с едва заметным отливом, который я купила на свои деньги еще до свадьбы Радана — и разложила его на столе. Ткань пахла пылью и старой краской, и я знала, что ее хватит на одну подкладку и одну улику.

— Тисса получит свадебное платье, — сказала я, не оборачиваясь. — С храмовой подкладкой, с печатью мастера, с нитью моей крови, как положено. А Радан получит квитанцию за ткань, потому что гильдейский сбор платит заказчик, и заказчик у меня теперь он, а не его невеста.

Я отрезала первый кусок и слышала, как ножницы входят в ткань с тем самым сухим звуком, который я люблю больше любой музыки.

Тирр шагнул ближе и положил руку на край рулона. Рука у него была тяжелая, как у всех людей, которые всю жизнь работали с чужим весом.

— Мира, — сказал он тише. — Ты первая женщина в Старом квартале, которая завела ателье на свои деньги после дома Опп. Ты понимаешь, что это значит.

Игла вошла в ткань с тихим хрустом, кончик уперся в костяшку моего большого пальца. Это была рабочая боль, как мозоль от утюга или синяк от скалки, когда тесто слишком тугое. Я вытянула нить до конца, проверила стежок на свету и осталась довольна: шов был ровный, ткань лежала без морщин, подкладка ляжет как надо, и храмовый огонь не найдет, к чему придрататься.

За стеной пахло жасмином. Ира Ло заваривала свой вечерний чай, и запах просачивался через щели в половицах, напоминая, что за стеной есть нормальная жизнь. Я не обернулась к окну. У меня на столе лежал первый кусок подкладки, и я должна была управиться с ней до темноты, потому что завтра утром придет Тисса на первую примерку, и я не хотела краснеть за кривой шов.

Стук в дверь был негромким, но я узнала его раньше, чем Сель успела соскочить с табурета у порога. Так стучат люди, которые имеют право входить без спроса, но помнят, что за ними наблюдают.

— Открыто, — сказала я.

Дверь открылась, в нее шагнул Сторм, стражник из отряда Радана. Коренастый, с красными от ветра руками, с выражением лица, будто он нес мне не записку, а приговор. Он остановился у порога, не входя дальше, и это было правильно: без моего разрешения он не имел права переступить черту, и я ценила, что он это помнил.

— Мастер Лейн, — сказал он, и в его голосе не было ни

насмешки, ни жалости, только усталость. — От главы стражи. Передано из рук в руки, без свидетелей.

Он протянул мне сложенный вчетверо лист, запечатанный каплей красного воска без герба. На официальных депешах всегда стоит печать дома Орт, скрепленная именем Радана. Это была личная записка, и я поняла, что Радан Орт впервые в жизни пишет мне как чужой женщине.

Я взяла лист, не разворачивая, положила его на стол рядом с тканью. Сторм ждал, переминаясь с ноги на ногу, и я видела, как у него под курткой шевелится что-то завернутое в холст, потяжелее записки.

— Еще? — спросила я.

Он кивнул, вытащил сверток и положил его на край стола, подальше от ткани, чтобы я видела, что он понимает разницу между бумагой и работой. Сверток был перевязан бечевкой без узла, от него пахло железом и дымом, так пахнут вещи, которые долго лежали в казарме.

— Это не от него, — сказал Сторм тише. — Это от меня. От отставной стражи, если хотите. Тут мерки моей жены. Она хочет свадебное платье. Если возьмете заказ, я готов платить вперед задаток, сколько скажете.

Я смотрела на него долго, и он не отвел взгляда, и я впервые за этот день увидела человека, который не боялся на меня смотреть. Сторм стоял у моего порога, стражник моего бывшего мужа, и принес мне заказ от своей жены, и предлагал заплатить вперед, потому что знал, что без задатка я не

начинаю.

— Заказ принимаю, — сказала я. — Мерки принесите завтра к полудню, задаток три золотых, остальное при примерке. И если узнаю, что Радан Опп послал тебя с этим как проверку, сверток полетит в печь, а ты — обратно в казарму без ответа.

Он кивнул, и я видела, как у него дрогнули плечи, не от страха, а от облегчения. Сторм ушел, шаги протопали по лестнице, за стеной Ира Ло перестала греметь чайником, прислушиваясь.

Я развернула записку Радана. Почерк был его, я узнала бы его среди тысячи, потому что он всегда писал с наклоном вправо, как будто торопился уйти со страницы. Записка была короткой, в три строки.

«Мира. Я принес десять золотых к печати. Тирр принял. Свадьба в срок. Р.».

Без «твоя», без «прости», без «вернись». Просто «Мира», и это было больше, чем он давал мне за три года нашего брака. Я сложила записку пополам и спрятала в ящик стола, к подписанному листу. Ключ на груди качнулся и стукнул по медной бляхе гильдии, звук был сухой, как мой первый стержок.

За стеной снова запахло жасмином, и я поняла, что Ира Ло не уйдет спать, пока не узнает, кто приходил.

— Ира! Чаю!

Она появилась через минуту, в домашнем переднике, с

чайником в руке. Я налила ей в свою кружку, себе — в чистую, потому что вторая осталась в ящике, и подвинула ей стул.

— Сторм приходил, — сказала я. — От Радана записка. И от себя заказ на свадебное платье.

Она посмотрела на меня поверх чашки, и я увидела, как у нее дрогнули уголки губ, не улыбка, но начало улыбки.

— Огневик пишет как чужой, — сказала она. — А его стражник приходит как заказчик. Это что-то значит.

Я отпила чай. Он был горький, с травами, и я вспомнила, что в списке дел у меня так и остался пункт «купить нормальный чай». Я дописала его карандашом на кромке ткани, потому что бумагу жалко, а ткань все равно пойдет в подкладку.

Первое, что я сделала после того, как за Тирром закрылась дверь, это пересчитала деньги. Не потому что не знала, сколько осталось, а потому что деньги в ящике имели дурную привычку исчезать именно тогда, когда я была уверена, что помню точную цифру. Двадцать серебряных Радана, три золотых Сторма, мой собственный золотой, который я отложила на кружево, и те десять, что я внесла, когда открывала ателье. Четырнадцать серебряных я отложила в сторону за ткань для подкладки. Найла ждала послезавтра, а я еще не сняла с нее мерку как следует, только прикинула на глаз, на три пальца шире, чем она думает, потому что кружево пойдет.

Потом я услышала, как внизу, в лавке Иры Ло, кто-то кашлянул. Не Ира. Ира кашляла сухо, как кошка, а это был мужской кашель, осторожный, привыкший к тому, что его могут выставить. Я подошла к двери, приоткрыла на ширину ладони и увидела на пороге Сторма. Он стоял на нижней ступеньке, не на крыльце, шапку держал в руке, а в шапке лежал маленький узелок, перевязанный бечевой.

— Мастер Лейн, — сказал он, и голос у него был такой, будто он разучился начинать разговор с женщиной, которая не приходится ему никем. — Я не к порогу. Я к Ире Ло, за сиром. Но мне велено передать.

Он протянул шапку. Я взяла узелок, развязала бечеву. Внутри была медная монета в четверть золотого и сложенный вчетверо клочок бумаги без герба, без печатки, без подписи. Я развернула. Три строки, написанные огрызком карандаша, тем же почерком, которым Радан подписал договор утром.

«Прошу разрешения прийти после полудня без герба, без перстня, без стражи. Ухаживать с нуля». И ниже, отдельно, другим нажимом, почти неразборчиво: «Ира Ло свидетель».

Я посмотрела на монету. Четверть золотого — это цена пирога с мясом у Иры, цена двух чашек чая, цена одного разговора, на который нельзя ответить отказом, потому что отказ стоит дороже. Я положила монету обратно в шапку и вернула Сторму.

— Передай, что я не продаю разрешений. Если он придет

без герба, пусть стучит. Если я открою, значит можно. Если не открою, значит нет. Монета твоя, она мне не за что.

Сторм сглотнул, сунул шапку за пазуху и пошел вниз по ступеням, не оглядываясь. Я закрыла дверь и долго стояла, прижавшись к ней лбом, потому что дерево было холодное, а у меня горели уши. Горели не от стыда. От злости. От того, что он имел наглость просить разрешения через третьи руки, как будто я продавщица, а он покупатель, которому нужно спросить, открыта ли лавка.

Я вернулась к верстаку, достала из-под замка тетрадь расходов и записала: «Четверть золотого от Сторма за передачу записки — отказ принят, монета возвращена». Записала и подчеркнула. Пусть любой проверяющий видит, что я не беру плату за то, что меня касается.

Потом я сняла фартук, повесила его на гвоздь у двери и пошла вниз к Ире Ло. Мне нужен был чай, настоящий, не тот, что остался в жестянке на полке, а тот, что она варила для себя, с мятой и липовым цветом, от которого в кухне пахло летом, хотя за окном лежал мокрый снег. Ира поставила передо мной чашку, молча, и я молча пила, и мы обе смотрели в окно на улицу, где прошла Найла в новой шляпке, и обе знали, что завтра она будет у меня в ателье, и обе знали, что Найла первая разнесет по кварталу, если Радан придет без герба.

— Огневик опять написал, — сказала Ира, не спрашивая.

— Через Сторма, — сказала я. — С монетой.

Ира подлила мне чаю и кивнула.

— Если придет без герба, я буду свидетельницей. Но свидетельницей чего, ты мне потом скажешь сама. Я не подписываю того, чего не видела.

Я допила чай, вымыла чашку, поставила сушиться на край стойки и поднялась к себе. На крыльце лежал обрезок ткани, который я выронила утром, когда пересчитывала монеты. Я подобрала его, отряхнула и положила в корзину к обрезкам. Кружево для Найлы я вырежу из остатков, и пусть она не узнает, что платье третьего мужа сшито из кусков, которые я бросила.

К полудню я успела обметать четыре ряда подола и записать в тетрадь, что на мантию советника ушло тридцать два стежка серой нитью, а на подкладку дома Опп — сорок один стежок огненной. Я записала это не для Тирра. Для себя. Чтобы помнить, что каждая нитка, которую я впускаю в чужую ткань, стоит мне куска моей собственной.

Я понимала, что завтра об этом будет знать вся Найла, а послезавтра — казначей Бранн Кейл, и что к концу недели ко мне в дверь постучат либо заказчицы, либо стража. Я отложила ножницы, посмотрела Тирру в глаза и впервые за этот день назвала себя вслух, без приставки, без оговорок, без чужого имени.

— Я мастерица Лейн. Ателье свадебных платьев, Старый квартал, залог внесен, печать стоит. И если кто-то в этом городе думает, что кресло за моим верстаком пустует, потому

что я разведенка, пусть придет и проверит, свободно ли оно.

Тирр убрал руку, кивнул и пошел к двери. Сель шмыгнула за ним. Я осталась одна за столом, ключ от ящика лежал у меня на груди, ткань ждала первого стежка.

Я взяла иглу. Утро начиналось с работы, и это была моя работа, и больше ничья.

Глава 2. Ключ от кухни

Замок поддался с третьего поворота, и я вытащила из скважины медный ключ — тугой, чуть липкий от чужой смазки. На ладони остался рыжий след, и я долго смотрела на него, пока Сель не дернула меня за рукав.

— Тетя Мира, там хозяин дома.

— Я знаю.

Дверь на кухню была уже открыта. За ней пахло подгоревшей кашей и лавандовым мылом — соседка Ира Ло всегда мыла посуду лавандой, чтобы перебить запах дешевого жира. Кухня была маленькая, с низким потолком и выщербленным кафелем, но окно выходило во двор-колодец, где сушилось белье чайной лавки. Я подсчитала: если поставить верстак у стены, манекен у окна, а утюги на железный лист у печки, поместится все. И еще останется место для примерочной за ситцевой ширмой.

— Это не сдается, — сказал хозяин дома, останавливаясь в дверях.

Он был невысокий, с аккуратной бородкой и красными от простуды глазами. На нем была куртка из толстого сукна, какую носят мелкие старшины ремесленных рядов. Я уже знала, что его зовут Тирр, и что он когда-то отказал мне в ученичестве, потому что я была женой дракона, и теперь стыдится этого.

— Плата за комнату над лавкой, — сказала я, — три серебряных в месяц, задаток за полгода. Бумаги поданы в гильдию ткачей за три дня до развода. Ателье юридически мое. У вас есть выбор: либо мы подписываем договор у печати гильдии, либо я ищу другую комнату.

Тирр кашлянул. Его взгляд задержался на ключе у меня в руке — том самом, от кухонной двери, который я только что вытащила из замка.

— Ключ, — сказал он.

— Ключ от кухни.

— Ключ от этой кухни.

— Ключ от кухни в доме, который вы сдаете мне. Я снимаю помещение над чайной лавкой Иры Ло. Кухня при нем. Кухня моя на срок аренды.

— Жена дракона, — сказал он, и у него дернулась щека.

— Бывшая жена дракона, — сказала я. — И не его словами. Своими.

Он снова кашлянул, громче. В коридоре за его спиной пахло дешевым табаком и лавандой — Ира уже вышла из своей лавки и стояла у стены, скрестив руки на переднике. Она не вмешивалась. Она ждала.

— У меня разрешение от соседского дома, — сказала я.

— У меня поручитель-ткач. У меня залог десять золотых. У меня ключ от кухни. Я захожу в свое помещение и варю краску для ткани.

Тирр посмотрел на ключ у меня в руке, потом на свои руки

— пустые, красные, с обкусанными ногтями. Потом снова на ключ.

— Дракон придет, — сказал он. — Говорят, он уже ищет вас.

— Пусть ищет.

Я повернула ключ в замке кухонной двери — другой стороной, обратно. Замок щелкнул. Я вытащила ключ, положила его на стол у окна и накрыла чистым льняным платком.

— Договор подпишем утром, — сказала я. — У печати гильдии. С формулой: я сдаю помещение, а не мастера. Если хотите сказать что-то еще — говорите при свидетеле.

Я кивнула в сторону Иры. Та подошла, вытерла руки о передник и встала у двери.

— Я свидетель, — сказала она. — И поручитель.

Тирр потер переносицу.

— Утром, — сказал он.

— Утром.

Он ушел. Я слышала, как он спускается по лестнице — тяжело, держась за перила. Потом хлопнула входная дверь.

Ира подошла ко мне.

— Ключ, — сказала она.

Я показала ей ладонь. Медный след от чужой смазки, рыжий, как ржавчина.

— Отдай мне, — сказала она. — Я повешу его над своей печкой. Пусть дракон знает: в этом доме его слово больше не ключ.

Я отдала ей ключ. Она взяла его двумя пальцами, как ядовитую змею, и спрятала в карман фартука.

— Утром, — повторила я.

— Утром, — сказала она.

Я осталась одна на кухне. Сель уже тащила по лестнице первый манекен — старый, с треснувшим плечом, замотанный в рогожу. Я слышала, как она пыхтит, и как стучит ножка манекена по ступеням.

Я подошла к окну. В колодце двора сушилось белье чайной лавки — белые простыни, похожие на сданные знамена. На подоконнике лежала забытая кем-то детская ленточка — розовая, выцветшая, с обрывком нитки на конце.

Я сняла ленточку, намотала на палец и сунула в карман.

Завтра работа. Завтра — договор, верстак, первая мерка. Завтра кто-то впервые войдет в мою дверь и назовет меня мастерицей Лейн.

А сегодня — кухня, ключ на столе, и запах лаванды от соседских рук.

Манекен стучал по ступеням, как пьяный сосед, и я считала удары, чтобы не считать деньги. У меня их почти не осталось. Десять золотых лежали в кассе гильдии залогом, еще три серебряных я отложила на задаток Сель, итого в кошельке — медь и чужой долг на сахар, который Ира отказалась записывать на мою кухню.

— Тихо, — сказала я манекену. — Не ломайся раньше срока.

Сель втащила его в кухню и поставила у стены, придерживая плечо рукой. Старое дерево треснуло, из трещины торчала пакля.

— Я его перемотаю, — сказала она. — Ниткой и клеем. Будет как новый.

— Будет как старый, но мой, — сказала я. — Неси верстак. Сначала ножи, потом столешницу. Потом утюги.

Она убежала. Я осталась одна с манекеном и тишиной, которая пахла кашей, лавандой и чужим табаком. В углу стоял мешок с моими нитками — тридцать катушек, половина из тех, что я вынесла из родовой мастерской Опп, половина куплены на базаре за ту медь, что еще оставалась. Я развязала мешок, перебрала катушки. Под руку попалась деревянная, обмотанная шерстяной нитью цвета старой меди. Я знала, чья она. Я помнила, как наматывала ее на катушку в мастерской, где потолок был расписной, а муж не смотрел мне в глаза уже два года.

Я положила катушку в нижний ящик. Не в верхний. В нижний.

Сель притащила верстак. Мы поставили его у стены, под окном. Свет падал косо, через белые простыни Иры во дворе, и резал столешницу пополам — на темную и светлую половину. На темной я разложу раскрой, на светлой буду мерить. Между ними — утюги на железном листе.

— Тетя Мира, — сказала Сель, — а если он придет?

Она не договорила. Я знала, кого она имеет в виду. Весь

квартал знал. Сторм вчера вечером передал мне через Иру записку — короткую, без подписи: мастер Лейн, глава стражи спрашивал о вашем адресе. Я сожгла записку в печке Иры, и мы молча выпили по чашке горького чая, не глядя друг на друга.

— Если придет — будет стоять на крыльце, — сказала я. — Без ордера в мастерскую он не войдет. Гильдейский штраф пять золотых, и это только за ногу на пороге.

— А если с ордером?

— С ордером войдет. Но сядет на табурет у двери и будет ждать, пока я закончу шов. У меня правило: клиента не бросают на полуслове, и дракон не исключение. Он заплатит за вход, как все.

Сель посмотрела на меня с тем выражением, которое у нее означало одновременно восторг и страх. Ей было четырнадцать, она сирота из ремесленного квартала, и она впервые в жизни видела, чтобы женщина говорила о драконе как о заказчике, а не как о муже или господине.

— А если он не заплатит? — спросила она.

— Тогда я запишу долг в книгу гильдии, и староста района выставит его за порог. С формулой: я сдаю помещение, а не мастера. Два свидетеля, печать, страница в реестре.

Сель кивнула. Она все записывала в тетрадку, которую я ей выдала — кривым почерком, с ошибками, но каждое слово. Через год она будет лучше меня читать счета.

За стеной, у Иры, зашумел чайник. Потом раздался стук

в дверь — резкий, требовательный, как стук хозяина дома. Только хозяин дома уже ушел. Я подошла к двери и приоткрыла.

На пороге стояла Найла. В новой шляпке, в перчатках из тонкой кожи, с саквояжем, из которого торчал край белой ткани.

— Мастер Лейн, — сказала она, и в голосе было столько меда, что меня затошнило. — Я слышала, у вас теперь ателье. Я бы хотела заказать платье. К третьему браку. Он, правда, еще не назначен, но ткань нужно выбрать сейчас, пока в моде белый.

Я посмотрела на саквояж. Потом на ее перчатки. Потом на крыльцо, где на ступеньке сидел кот Иры и вылизывал лапу.

— Заходите, — сказала я. — Размеры снимем сейчас. Ткань выберете из того, что есть. Задаток — три серебряных, половина сейчас, половина при примерке. Без задатка не меряю.

Найла моргнула. Она привыкла, что разведенная жена дракона берет заказы за половину цены и кланяется за похвалу.

— Три серебряных? — переспросила она.

— Три серебряных, — повторила я. — Если дорого — у Иры через стену есть чай, и там вам расскажут, кто в городе шьет дешевле. Но предупреждаю: у дешевых мастеров белый цвет к третьей примерке становится серым.

Она посмотрела на Сель. Потом на манекен с паклей в

плечо. Потом снова на меня.

— Вы стали совсем другой, мастер Лейн, — сказала она.

— Нет, — сказала я. — Просто теперь за мой труд платят как за труд.

Она вошла. Сель заперла дверь на ключ — на тот ключ, который висел у Иры над печкой, а на столе лежал только чистый льняной платок. Найла сняла перчатки, я взяла сантиметр.

Первый заказ. Первый клиент. Первый медный грош в моей кассе.

Я мерила, записывала, кусала нитку зубами и молчала. Молчала не потому, что нечего было сказать, а потому, что впервые в жизни мои слова ничего не стоили больше, чем моя работа.

Это был самый дорогой подарок, который мне сделал этот год.

Ткань под руками пахла дешевым крахмалом и чужой свадьбой. Я отмеряла подол, и лента скользила по столу, как змея, которую я обещала себе больше не приручать. Найла стояла на табурете посреди кухни, подбоченившись, и смотрела на меня сверху вниз, хотя платить должна была снизу вверх.

— Длиннее, — сказала она. — На два пальца. Жених высокий, ему нравится, когда подол волочится по полу.

Я промолчала. Два пальца — это лишняя локоть ткани, лишняя день работы, лишняя медный грош, который Найла

не хотела платить. Я сделала зарубку мелом на ленте и записала цифру в тетрадку. Сель сидела у печки, пришивала к манекену паклю, и игла у нее ходила ходуном, как челнок у неопытной ткачихи.

— Мастер Лейн, — сказала Найла, и голос у нее стал тем особым медом, которым она смазывала чужие раны. — А правда, что глава стражи спрашивал о вашем адресе?

У меня дрогнула рука. Мел сломался. Я положила обломок в карман и взяла новый.

— Сплетни не входят в цену заказа, — сказала я. — За сплетни — отдельная такса, серебряный за каждую. Считайте, я вам уже должна три.

Найла фыркнула. Она привыкла, что разведенные женщины краснеют от имени бывшего мужа и платят за честь сплетни о нем вниманием. Я не краснела. У меня на это не было ни времени, ни ленты, ни мела.

Ступени крыльца скрипнули. Не кот, не Ира, не почтальон с медной бляхой. Тяжелый шаг, пауза, второй шаг. Я узнала этот ритм раньше, чем успела вдохнуть. Три года я засыпала под этот ритм и просыпалась от него, и теперь тело помнило его раньше, чем разум успел надеть рабочее лицо.

Дверь открылась без стука.

Радан Опп стоял на пороге кухни, которая час назад была моей кухней. Без ордена, без стражи, в плаще, пахнущем дымом и мокрой кожей. Капля дождя сползла по его скуле и упала на ворот. Он не вытер ее.

— Выйди, — сказала я, не поднимая головы от ленты.

— Мира.

— Мастер Лейн. Здесь так не говорят.

Он шагнул внутрь. Половина кирпича — нарушение гильдейского штрафа. Я положила ленту и выпрямилась. Между нами стоял верстак, на верстаке лежал раскрой чужого свадебного платья, и от этого раскроя пахло дешевым крахмалом и чужими надеждами.

— У вас нет ордера, — сказала я. — У вас нет записи в гильдейской книге. Вы стоите в чужой мастерской без приглашения. Пять золотых штрафа за ногу на пороге, десять — за шаг внутрь. Ира Ло, — я повысила голос к стене, — будь свидетельницей.

За стеной звякнул чайник. Ира не ответила, но я знала, что она уже стоит у своей двери с тетрадкой и карандашом. Мы так договорились утром, когда я перевозила манекен: если войдет дракон — считать секунды и записывать каждое слово.

Радан остановился. Он смотрел на Найлу, и на его лице я видела то выражение, которое раньше означало «я решу», а теперь означало «я не знаю, что делать с собственным лицом». Найла спрыгнула с табурета и натянула перчатки, как будто собралась на пожар.

— Я подожду снаружи, — сказала она быстро.

— Нет, — сказала я. — Вы клиентка. Вы стоите на табурете. Я записываю вашу мерку. Если глава стражи хочет го-

ворить — пусть говорит при свидетельнице. Я плачу ей за работу, а не за то, чтобы она пряталась от моей биографии.

Найла посерела под шляпкой. Радан перевел взгляд на меня, и в этом взгляде было что-то, чего я не видела три года: просьба. Не приказ. Не решение. Просьба, плохо скрытая за привычной линией рта.

— Мне нужна ткань, — сказал он тихо. — Не платье. Подкладка под парадный мундир стражи. Старую подкладку сожгли на прошлой неделе, новую в казарме шить некому, а совет требует форму к утру.

— У гильдии ткачей есть реестр мастеров, — сказала я. — Тридцать две фамилии. Выберите любую, кто не отказал вам лично.

— Они отказали все.

Я не удержала уголок рта. Подняла ленту, сделала новую зарубку, записала. Молчала достаточно долго, чтобы он понял, что за молчанием стоит не шутка.

— Двадцать серебряных, — сказала я. — Задаток половина, материал с меня, готово к утру. Без подписи в гильдейской книге не начинаю. Формула: «я покупаю работу, не мастера». И вы входите через парадную дверь, по ордеру и с двумя свидетелями. Не через мою кухню.

Он смотрел на меня. Капля с его скулы упала на пол, на чистый льняной платок, который я положила под верстак.

— Двадцать серебряных, — повторил он, как будто пробовал слово на вкус. — За подкладку.

— За подкладку, которую сошьет разведенная жена, а не мастер, у которого вы украли три года. Это разные цены.

Найла кашлянула. Сель уронила иглу. За стеной у Иры что-то звякнуло, и я слышала, как она шепчет мужу: «Записывай, записывай, не зевай».

Радан снял перчатку с правой руки. Медленно, палец за пальцем, как снимают не кожу, а собственное право. Поднес руку к поясу, где висел кошель, и положил на верстак — рядом с моей лентой, рядом с моим мелом, рядом с моей меркой Найлы — десять серебряных монет. Они звякнули о дерево, как маленькие предательства.

— Задаток, — сказал он.

— Расписка, — сказала я. — В книге гильдии. Завтра в десять утра, у печати инспектора Тирра. С формулой. И тогда к вечеру подкладка будет лежать у крыльца казармы.

Он кивнул. Надел перчатку обратно, палец за пальцем, как будто возвращал на место что-то, что только что снял. Повернулся и вышел. Половина кирпича, порог, крыльцо. Шаги по ступеням, тяжелые, неровные, не ритм — спотыкание.

Я села на табурет. Ноги не держали. Найла смотрела на меня круглыми глазами, Сель — с тем выражением восторга и страха, которое у нее означало, что она впервые в жизни видела, как женщина получает деньги от мужчины, который ее уничтожил.

— Мерка, — сказала я. — Подол. Два пальца. Я записы-

ваю.

Найла встала на табурет. Я подняла ленту. На верстаке лежали десять серебряных монет, и каждая из них пахла мокрой кожей, дымом и чужим позором, который я только что превратила в аванс.

Завтра в десять — формула. Завтра вечером — подкладка. Завтра он впервые войдет в мою дверь по правилам, которые я написала сама.

А сегодня я мерила чужое счастье и молчала, и молчание это стоило дороже всех его монет.

Тишина после его шагов была слишком громкой. Я слышала, как за стеной Ира перестала шептать, как капает вода с крыши на крыльцо, как Найла поправляет шляпку и не знает, куда деть руки. Десять серебряных лежали на верстаке, и каждая монета требовала, чтобы я на нее посмотрела, но я смотрела на мерку.

— Ворот, — сказала я. — Не вертитесь.

Найла послушно замерла. Лента легла на ее шею, и под моими пальцами ее пульс колотился, как у пойманной птицы. Я записала цифру, закрепила мелом линию на ткани, и руки мои были спокойны, потому что спокойствие — это тоже работа, и я умею его шить.

Сель подобрала иглу, натянула нитку, не поднимая глаз. Она всегда так делала, когда боялась: работала. Умная девочка, в этом ей не откажешь. Она знала, что если я подниму голос, то не от страха, а от злости, а злость у меня всегда

тихая и точная.

— Мастер Лейн, — сказала Найла, и голос у нее был чужой, тонкий, как первый лед на луже. — А правда, что он...

— Правда, что у вас подол на два пальца короче моды, — сказала я. — Встаньте ровно.

Она открыла рот и закрыла. Я подколола булавкой линию талии, прикинула, хватит ли отреза на рукава. Хватало. Я всегда покупала с запасом, потому что запас — это свобода передумать, а свобода передумать стоит дороже золота.

Дверь чайной скрипнула. Ира Ло вошла без стука, потому что между нашими лавками стук был условностью, а не законом. В руках у нее был поднос с двумя кружками и тетрадка в кожаном переплете, заложенная карандашом. Она поставила кружку передо мной, вторую — перед Сель, тетрадку положила рядом с монетами.

— Записано, — сказала она коротко. — Вход без ордера, шаг внутрь, имя «Мира» вместо «мастер Лейн», десять серебряных задатком. Подпись не дал. Формулу не произнес. Каждая секунда — отдельно.

Я кивнула. Ира села на табурет у стены, подобрала юбку, достала свою вышивку. Делать вид, что ничего не произошло, у нее получалось лучше, чем у меня. У нее это было ремесло, отработанное годами за прилавком, где каждый второй посетитель — сплетня, а каждый третий — беда.

— Спасибо, Ира, — сказала я.

— Не за что, — сказала она. — Чай горький, я его специ-

ально. Пей, пока не остыл.

Я отпила. Горький. Хороший. Горечь была та самая, которая возвращает в тело, когда тело пытается улететь в старый страх.

— Мастер Лейн, — снова начала Найла, и я поняла, что она не успокоится, пока не вытрясет из меня хотя бы одну подробность на продажу. — Говорят, он к вам теперь будет ходить. Каждый день. Говорят, совет храмов заставил.

— Совет никого не заставляет, — сказала я. — Совет выписывает ордер. Без ордера — штраф. Это в книге записано, не в слухах.

Я подошла к верстаку, сгребла десять серебряных в кошель, завязала шнурок, убрала в ящик под замок. Монеты звякнули глухо, как будто поняли, что отсюда они пойдут на муслин и нитки, а не на чужое молчание. Потом достала тетрадь расходов, записала: «задаток, подкладка под мундир стражи, десять серебряных, без подписи». Поставила дату, подписала «М. Лейн». Почерк у меня всегда был ровный, когда я злилась, и кривой, когда радовалась. Сейчас он был как линейка.

Сель перестала шить и посмотрела на меня. У нее в глазах стояло то самое выражение, которое я видела у нее в первый день, когда она пришла в мастерскую и думала, что я ее выгоню. Тогда я сказала ей: «Не выгоню, если будешь резать ровно». Сейчас я ей ничего не сказала, но она и так поняла. Подняла нитку, вдела в иглу, вдохнула.

— К вечеру успеешь подшить подол? — спросила я ее.

— К шести, — сказала она.

— К пяти. У нас теперь новый гость, и я хочу, чтобы подол был готов к его приходу.

Я повернулась к Найле. Она стояла на табурете босая, потому что туфли я велела снять, чтобы не стоптать коврик, и выглядела одновременно жалко и опасно. Жалко — потому что разутая. Опасно — потому что у нее в голове уже вертелась фраза, которая к утру обойдет весь квартал.

— Мерка готова, — сказала я. — Примерка послезавтра, в это же время. Цена — три золотых, задаток — один, материал с меня. Если не придете — задаток не возвращаю. Если опоздаете больше чем на полчаса — переносу на следующую неделю. Договор в книге гильдии, у инспектора Тирра.

— Но я думала...

— Думать будете дома, — сказала я. — У меня в мастерской думаю я.

Найла натянула туфли, застегнула перчатки, подобрала ридикюль. У двери она остановилась и обернулась. Я ждала. Я знала, что она скажет, и знала, что это будет больно, но боль — это тоже цена, и я платила ее сразу, не откладывая.

— Мастер Лейн, — сказала она. — А если он завтра не придет к Тирру?

— Тогда подкладка будет стоить тридцать серебряных, — сказала я. — Штраф за отказ от подписи. Это в том же уставе, страница двенадцать, пункт четвертый.

Она вышла. Шляпка мелькнула за стеклом и пропала.

Я села. Ноги держали, но я все равно села, потому что знала: если я сейчас не сяду, я буду стоять до ночи, а стоять до ночи — это привычка жены, а не мастера. Я мастер. У меня есть стул, и я имею право на него.

За стеной Ира налила себе вторую кружку. За окном стемнело. На верстаке лежала мерка Найлы, подколотый подол, обрезки муслина, мел и моя тетрадь, в которой черным по белому было написано, что десять серебряных — мои, и завтра в десять утра я приду к Тирру с формулой наготове.

Сель шила. Ира пила чай. Я считала стежки.

И впервые за весь день мне не нужно было считать чужие грехи.

Глава 3. Чужие духи

Утро начиналось с запаха лаванды и чужого долга. Ира Ло поставила передо мной чашку горького чая и тетрадку в кожаном переплете, раскрытую на странице с вчерашней записью. Я обмакнула перо в чернила и свела колонку расходов с колонкой прихода: десять серебряных задатка без подписи, минус три за нитки, минус два за уголь, минус один за уют. На следующей странице лежала копия долговой книги дома Опп, которую я выпросила у Сторма через Иру, потому что Сторм доверял моей соседке больше, чем своему капитану.

Книга пахла старой кожей и чужими духами. Именно эти-ми, тяжелыми, сладковато-масляными, которыми Тисса Опп поливает каждое письмо. Я провела пальцем по строчкам, выведенным ровным канцелярским почерком: долг за ткани к свадьбе, долг за храмовый обряд, долг за медный залог под перевозку оружия, долг за перевозку оружия под видом свадебных сундуков. Последняя строка была зачеркнута, но чернила просвечивали. Под зачерком стояла подпись Бранна Кейла.

— Это не свадьба, — сказала я вслух, чтобы услышать собственные слова в пустой кухне. — Это прикрытие.

Ступенька скрипнула под ногой. Сель втащила корзину с углем и остановилась, глядя на меня так, будто я произнесла имя, которое нельзя произносить вслух.

— Мастер Лейн, там внизу дракон.

Я отложила перо.

Он стоял на пороге кухни в плаще с печатью Серого Порога, не снятом даже в чужом доме. Без ордера. Без приглашения. С листом гербовой бумаги в руке.

— Мира, — сказал он, и я увидела, как Сель вздрогнула, потому что имя, произнесенное без мастерского титула, в этом городе стоило пять золотых штрафа.

Я не дала ему шагнуть внутрь. Просто подняла ладонь. Жест был из тех, что мы оба знали по спальне, где этот жест означал не сейчас, и я видела, как он его прочитал.

— Мастер Лейн, — поправила я. — Войдешь, когда Ира Ло запишет нарушение и ты заплатишь штраф.

— Мира, — повторил он, и я заметила, что он делает это нарочно, потому что ему важнее произнести запретное, чем сохранить деньги.

— Десять золотых, — подсказала я. — За имя. И пять за то, что стоишь на пороге без ордера.

Он положил лист гербовой бумаги на верстак. Я не сразу поняла, что это. Потом разглядела: запрос стражи на выдачу мастера для срочной службы городу. С подписью Радана и гербом дома Опп. С формулировкой я покупаю мастера, а не работу.

— Ты понимаешь, что это значит, — сказала я тихо.

— Понимаю, — ответил он. — Ты шила для дома Опп десять лет. Я плачу штраф. Ты едешь со мной.

Ира Ло из-за стены подняла голос:

— Огневик, у нас нет мастера по найму. У нас есть мастер по контракту.

Радан не повернул головы к стене.

— Я подпишу формулу у Тирра через час, — сказал он мне, а не ей. — Плачу тридцать серебряных сверх штрафа. Платья для новой невесты ждут к четвергу. Ткань на складе с печатью гильдии.

Я подвинула к нему долговую книгу дома Опп, открытую на странице с зачеркнутой строкой.

— Вот это, — я постучала пальцем по подписи Бранна Кейла, — ты тоже повезешь на свадьбу?

Он не посмотрел. Я видела, как побелели костяшки пальцев, сжимавших край верстака. Это была его слабость, которую я знала наизусть: когда ему стыдно, он белеет, а не краснеет.

— Откуда это, — спросил он.

— От твоего Сторма, — ответила я. — Который таскает мне записки через Иру Ло, потому что ему стыдно за капитана.

Сель тихо ахнула. Я услышала, как Ира Ло за стеной отложила тетрадку и пошла к нам. Ее шаги были медленными, как у женщины, которая знает, что сейчас будет драма.

Я сняла с шеи шнурок с медной бляхой гильдии и положила на гербовую бумагу Радана. Бляха была тяжелой, она придавила его подпись.

— Мастер Лейн не по найму, — сказала я. — Мастер Лейн шьет для города, а не для дома Опп. Если хочешь платье для Тиссы Исс, приходишь с формулой я покупаю работу, не мастера, платишь задаток и ждешь шесть недель, как все.

Радан молчал. Его глаза были на моих руках, а не на моем лице, и я знала, что он считает шрамы от иглы, которых прибавилось за год, что мы не спали в одной постели.

— Тридцать серебряных, — повторил он. — И я подпишу.

— Нет, — сказала я. — Ты сейчас заплатишь штраф за имя и за порог. Уйдешь без платья. А формулу принесешь завтра в десять, и тогда я подумаю.

Ира Ло вошла, вытирая руки о фартук.

— Огневик, — сказала она почти ласково, — у нас тут чай стынет. Если платишь, плати. Если нет, уходи. Мастер Лейн занята.

Радан достал кошелек. Я слышала звон десяти золотых — это была та же сумма, которую он положил вчера задатком без подписи, и я поняла, что он не уйдет, пока не возьмет реванш.

Он положил монеты на верстак, рядом с моей бляхой, и я увидела, как его пальцы дрогнули.

— Завтра в десять, — сказал он. — С формулой.

— Завтра в десять, — повторила я. — И принеси объяснение по поводу Бранна Кейла.

Он ушел, не оборачиваясь. Я слышала его шаги по лестнице, тяжелые, как у человека, который несет невидимый груз.

Сель выдохнула.

— Мастер Лейн, — прошептала она. — Вы только что отказали дракону.

— Я отказала не дракону, — сказала я, убирая монеты в ящик под замок. — Я отказала заказчику, который забыл подписать бумагу. Это разные вещи.

Ира Ло поставила передо мной новую чашку чая, горького и крепкого, и я впервые за долгое время почувствовала, что мой собственный стол — это действительно мой стол.

Чашка горького чая стыла, пока я считала чужие долги. Книга пахла старой кожей и сладковатыми духами Тиссы Опп — тем самым масляным шлейфом, которым она поливает каждое письмо, будто бумага может пахнуть иначе, если ее подписать чужим именем. Палец скользил по строчкам, выведенным ровным канцелярским почерком: долг за ткани к свадьбе, долг за храмовый обряд, долг за медный залог под перевозку оружия, долг за перевозку оружия под видом свадебных сундуков. Последняя строка была зачеркнута, но чернила просвечивали. Под зачерком стояла подпись Бранна Кейла, казначея городского совета, который на людях выглядел скупающим чиновником, а под столом подписывал чужие накладные.

Я обмакнула перо в чернила и вывела на полях своей тетради расходов аккуратный столбик: десять серебряных за датка без подписи, минус три за нитки, минус два за уголь, минус один за утюг, плюс пять золотых штрафа, который

еще не заплатили. Сумма сходилась, но не к радости, а к тревоге. Залог ателье в десять золотых лежал в кассе гильдии, и если завтра Радан не подпишет формулу, мне нечем будет платить за ткань для подкладки под мундир стражи.

— Мастер Лейн, там внизу дракон.

Я отложила перо и вытерла пальцы о фартук. Книга осталась раскрытой на странице с подписью Бранна Кейла, и я сознательно не стала ее закрывать. Пусть видит. Пусть читает. Пусть понимает, что я уже знаю, чем заканчиваются его свадебные сундуки.

Он стоял на пороге кухни в плаще с печатью Серого Порога, не снятом даже в чужом доме. Без ордера. Без приглашения. С листом гербовой бумаги в руке, запечатанным красным воском с гербом дома Опп.

— Десять золотых, — подсказала я. — За имя. И пять за то, что стоишь на пороге без ордера.

Он положил лист гербовой бумаги на верстак, прямо поверх моей раскрытой тетради расходов. Я не сразу поняла, что это. Потом разглядела: запрос стражи на выдачу мастера для срочной службы городу. С подписью Радана и гербом дома Опп. С формулировкой, от которой у меня свело скулы: я покупаю мастера, а не работу.

— Ты понимаешь, что это значит, — сказала я тихо.

Ира Ло из-за стены подняла голос, не выходя, но так, чтобы каждое слово легло в тетрадку свидетельницы:

— Огневик, у нас нет мастера по найму. У нас есть мастер

по контракту.

Радан не повернул голову к стене.

— Вот это, — я постучала пальцем по подписи Бранна Кейла, — ты тоже повезешь на свадьбу?

— Откуда это, — спросил он.

— Мастер Лейн не по найму, — сказала я. — Мастер Лейн шьет для города, а не для дома Опп. Если хочешь платье для Тиссы Опп, приходишь с формулой я покупаю работу, не мастера, платишь задаток и ждешь шесть недель, как все.

— Тридцать серебряных, — повторил он. — И я подпишу.

Ира Ло вошла, вытирая руки о фартук.

— Завтра в десять, — сказал он. — С формулой.

— Завтра в десять, — повторила я. — И принеси объяснение по поводу Бранна Кейла.

— Мастер Лейн, — прошептала она. — Вы только что отказали дракону.

Ира Ло поставила передо мной новую чашку чая, горького и крепкого, и я впервые за долгое время почувствовала, что мой собственный стол — это действительно мой стол. Книга с духами Тиссы лежала на верстаке, раскрытая на странице с подписью казначея, и я знала, что завтра в десять утра у печати Тирра мне придется либо назвать цену за эту правду, либо промолчать и шить свадебное платье для женщины, которая пахнет чужими долгами.

Утро началось с запаха лавандового мыла и остывшего угля. Я стояла у верстака и пересчитывала вчерашний столбик:

десять серебряных задатка без подписи, минус три за нитки, минус два за уголь, минус один за уют, плюс пять золотых штрафа, который еще не заплатили. Сумма сходилась, но не к радости, а к тревоге. Залог ателье в десять золотых лежал в кассе гильдии, и если завтра Радан не подпишет формулу, мне нечем будет платить за ткань для подкладки под мундир стражи.

— Мастер Лейн, там внизу дракон.

— Десять золотых, — подсказала я. — За имя. И пять за то, что стоишь на пороге без ордера.

— Ты понимаешь, что это значит, — сказала я тихо.

— Огневик, у нас нет мастера по найму. У нас есть мастер по контракту.

Радан не повернул голову к стене.

— Вот это, — я постучала пальцем по подписи Бранна Кейла, — ты тоже повезешь на свадьбу?

— Откуда это, — спросил он.

— Тридцать серебряных, — повторил он. — И я подпишу.

Ира Ло вошла, вытирая руки о фартук.

— Завтра в десять, — сказал он. — С формулой.

— Завтра в десять, — повторила я. — И принеси объяснение по поводу Бранна Кейла.

— Мастер Лейн, — прошептала она. — Вы только что отказали дракону.

Я заперла дверь на ключ и подержала ладонь на холодной меди, пока не перестало звенеть в ушах. Потом пересчитала

монеты на верстаке, проверяя, не прилип ли к чужой десятке медный привкус чужого стыда. Сель смотрела на меня так, словно я только что отлупила чужого ребенка на рынке. Ира Ло молча забрала чашку и унесла к себе, не дожидаясь, пока я попрошу.

Я села за долговую книгу дома Опп, открытую на странице с зачеркнутой строкой Бранна Кейла, и впервые за много дней почувствовала, что пальцы не дрожат. За стеной чайник снова забулькал — Ира грела воду на всякий случай, потому что знала, что я не усну, пока не перепишу все цифры начисто.

Цифры не радовали. Десять серебряных задатка без подписи, минус три за нитки, минус два за уголь, минус один за уют, плюс пять золотых штрафа, который еще не заплатили. Сумма сходилась, но не к радости, а к тревоге. Залог ателье в десять золотых лежал в кассе гильдии, и если завтра Радан не подпишет формулу, мне нечем будет платить за ткань для подкладки под мундир стражи. Я обмакнула перо и вывела на полях: если формулы не будет, утром продаю серый рулон и шью Найле из своих запасов. Найла не виновата, что бывший муж решил поиграть в свадебного заказчика.

— Мастер Лейн, там внизу опять дракон, — сказала она, и я услышала, как у нее сорвался голос на второй раз, будто слово дракон жгло ей язык.

На пороге стоял Радан, в плаще с печатью Серого Порога, не снятом даже в чужом доме. Без ордера. Без приглаше-

ния. С листом гербовой бумаги в руке, запечатанным красным воском с гербом дома Опп. Я посмотрела на его перчатки — те же, тонкая кожа, — и поняла, что сегодня он принес не деньги, а приказ.

— Ты понимаешь, что это значит, — сказала я тихо.

— Огневик, у нас нет мастера по найму. У нас есть мастер по контракту.

Радан не повернул голову к стене. Его глаза были на моих руках, а не на моем лице, и я знала, что он считает шрамы от иглы, которых прибавилось за год, что мы не спали в одной постели.

— Вот это, — я постучала пальцем по подписи Бранна Кейла, — ты тоже повезешь на свадьбу?

— Откуда это, — спросил он.

— Тридцать серебряных, — повторил он. — И я подпишу.

Ира Ло вошла, вытирая руки о фартук.

Радан достал кошелек. Я услышала звон десяти золотых — это была та же сумма, которую он положил вчера задатком без подписи, и я поняла, что он не уйдет, пока не возьмет реванш. Он положил монеты на верстак, рядом с моей бляхой, и я увидела, как его пальцы дрогнули.

— Завтра в десять, — сказал он.

— Завтра в десять, — повторила я. — И принеси объяснение по поводу Бранна Кейла.

Утро после ухода Радана я провела не за верстаком. Сначала проверила, нет ли потеков на бляхе от его бумаги. Бля-

ха лежала сухая. Потом пересчитала монеты в ящике вслух, чтобы Ира Ло записала точную сумму в свою тетрадку. Десять золотых. Ни серебром больше, ни медью меньше. Эту же сумму я записала в свою колонку расходов чернилами, которые пахли не лавандой, а железом от старого пузырярка.

— Ира, — сказала я, не поднимая головы. — Запишите в тетрадь свидетельницы: сегодня в утренний час мастер Лейн приняла от Радана Орра десять золотых задатка без подписи и без герба за неоговоренный контракт. Договор на эти монеты отсутствует. Долговую книгу дома Орт я получила от Сторма через ваше посредничество и храню под замком.

— Записала, — ответила Ира Ло из-за стены. — Распишешься, когда откроешь свою книгу.

— Когда вернется от Тирра записка про формулу, — сказала я. — Не раньше.

Сель сидела на низкой табуретке у двери и перебирала нитки. Я видела, как она поглядывает то на меня, то на дверь, и поняла, что она ждет, когда кто-то войдет без спроса. Тирр вчера обещал прислать записку с ответом про формулу я покупаю работу, не мастера, и я ждала эту записку больше, чем ждала самого Радана.

Я поставила медный чайник на плиту, потому что в нашем ремесле чайник работает точнее любых часов. Когда вода поднимается белым ключом, значит, прошло ровно столько времени, сколько надо. Три минуты на стежок. Семь минут на мерку. Полчаса на примерку. Час на отдых глаз. Мы

шьем по воде, по пару, по звону. Так нас учили, и я этому учила Сель до того, как нас развелись.

Я взяла тетрадь расходов и открыла на чистой странице. Не в той, где записала сегодняшнее утро, а в новой. Вверху написала: расходы ателье мастера Лейн, Старый квартал, кухня над чайной Иры Ло. Под ней три столбца: приход, расход, задаток без подписи. В первый столбец перенесла три золотых Сорма за платье его жены. Во второй — четыре серебряных за уголь, два за нитки, один за утюг. В третий пустое место напротив строки сегодняшнего числа.

— Мастер Лейн, — сказала Сель, — а десять золотых от него куда?

— В третий столбец, — ответила я. — Но не сейчас.

— Почему?

— Потому что пока он не подписал формулу у Тирра, это не задаток. Это залог. Залог я могу вернуть без пошрины. А задаток — нет.

Сель задумалась так глубоко, что у нее между бровей собралась складка. Я не стала объяснять дальше. Ей четырнадцать лет, она еще не знает, что в нашем деле главное не ткань, а подпись. Кто подписал, тот и платит. Кто не подписал, тот не платит, и тебе еще должны за беспокойство.

Когда вода в чайнике поднялась ключом, я сняла его с плиты и залила траву, которую Ира принесла из лавки. Запах лаванды смешался с запахом железа, и у меня закружилась голова. Я села на свой стул и на секунду закрыла глаза.

Ира Ло вошла с двумя чашками и куском хлеба.

— Поешь, — сказала она. — Ты с утра ничего не ела.

Я отломилла корку, положила в рот и почувствовала, как хлеб царапает небо. Это была сухая корка, которую я вчера сама отложила для Сторма, потому что свежий хлеб он не ест с того дня, как ему привезли записку о повышении, и с тех пор ест только вчерашний.

— Ира, — сказала я, не открывая глаз. — У нас осталась корка?

— Осталась. Я положила ему.

— Он голодный?

— Он не ел со вчерашнего утра.

Я открыла глаза. Ира стояла у моего стола со своей вечной тетрадкой свидетельницы и смотрела на меня так, будто ждала разрешения дать Сторму вторую корку.

— Дайте, — сказала я. — Но запишите.

— Запишу, — ответила она. — Мастер Лейн разрешила отдать стражнику Сторму корку хлеба из собственного запаса.

Это была не благотворительность. Это была плата за информацию. Сорм каждый раз платил коркой и крошкой за то, что я не задавала ему вопросов про Радана. Он приносил мне записки и мерки жены, а я отдавала ему хлеб и не спрашивала, почему он носит чужое через Иру, когда рядом стоит его капитан.

— Мастер Лейн, — сказала Сель от двери. — Там записка.

Я не встала. Я допила чай и только потом пошла к двери. Записка лежала на крыльце, придавленная моей бляхой, которую я забыла на верстаке, а Ира Ло положила сверху, потому что так записки не разлетаются от ветра.

Я сняла бляху и развернула бумагу. Почерк был Тирровский: ровный, с наклоном, без завитков. Записка была короткой.

Статья двенадцатая устава гильдии ткачей допускает формулу я покупаю работу, не мастера только при наличии ордера совета или подписи инспектора. Принесите ордер или приходите к печати гильдии сегодня в десять. Тирр.

Я перечитала записку дважды. Потом сложила и положила в карман фартука.

— Сель, — сказала я. — Бери корку для Сторма. Иди к лавке Иры, передай ему, что я жду его в десять у печати гильдии. Он будет свидетелем, когда Радан подпишет формулу. Если он не придет, я сама подпишу за него.

— Он придет, — сказала Сель. — Он всегда приходит, когда вы зовете.

Я не стала улыбаться. У меня было много дел. Мне надо было переодеться, потому что идти к печати гильдии в утреннем фартуке, в котором я шью, нельзя — это нарушение регламента, и Тирр за это штрафует на медный. Мне надо было взять с собой долговую книгу дома Орр, потому что я покажу ее Радану, когда он спросит, откуда у меня его долги. Мне надо было взять тетрадь расходов, потому что без

нее к печати не пускают.

Я вышла из-за ширмы, и Сель ахнула.

— Мастер Лейн, — сказала она. — У вас нитка на фартуке.

Я посмотрела вниз. Красная нитка, тонкая, из тех, что мы шьём в подкладку, свисала с кармана. Я сорвала ее и положила на верстак.

— Это не нитка, — сказала я. — Это подпись.

До полудня оставалось три часа, и я впервые за утро села не над долговой книгой, а над подкладкой. Серый рулон лежал на верстаке, отрезанный кусок ждал иглы и нитки. Я поднесла ткань к окну, посмотрела на свет: отлива нет, ровное полотно, как зимний камень. Это и была моя цена за сегодняшний день.

Ступенька скрипнула, но тихо, без привычного стука каблука. Я не сразу подняла голову. Только когда Ира Ло кашлянула из-за ширмы, я обернулась.

На пороге стояла Найла в новой шляпке с пером, которое клонилось к уху. Саквояж она держала обеими руками, как будто в нем лежала не мерка, а приданое.

— Мастер Лейн, — сказала она жеманно, и я услышала, как голос спотыкается о мою фамилию. — Я насчет платья.

— Вижу.

Я положила иглу, вытерла руки о фартук и встала. Найла вошла, не дожидаясь приглашения, оставила саквояж на табурете у окна и начала расстегивать перчатки.

— У вас тут пахнет лавандой, — сказала она, и это было не комплимент, а претензия.

— У меня тут пахнет работой, — ответила я. — Снимайте шляпку.

Она сняла шляпку, убрала на колени и посмотрела на меня так, будто я только что вышла из притона, а не из-за верстака. Я знала этот взгляд. Найла смотрела на меня так каждое утро с тех пор, как узнала про развод: с жадностью, с безразличностью, с тайной надеждой, что я сорвусь первой.

— Я слышала, — сказала она, понижая голос, — что вы отказали дому Опп. Всем Оппам. Это правда?

Я молча развернула мерочную ленту. Найла подождала, потом добавила:

— И что дракон приходил к вашему крыльцу. Без герба. Без перстня. Сторм рассказал моей кухарке.

— Сторм, — повторила я ровно, — много болтает.

— Мастер Лейн, — сказала Найла и впервые за утро посмотрела мне в глаза, — я пришла не за сплетнями. Я пришла за платьем.

Она встала, повернулась спиной, сама подняла волосы и замерла. Мерка легла на лопатки, потом на талию, потом на бедра. Я писала цифры в тетрадку, стараясь не думать о том, что через два дня эти цифры увидит вся гильдия.

— Ткань, — сказала я, — с мастера. Материал покупаете вы, я шью. Задаток один золотой, остальное при примерке. Примерка послезавтра, в это же время.

Найла натянула перчатки.

— Договор у инспектора Тирра, — добавила я, не поднимая головы. — За сплетни отдельная такса. Серебряный за каждую. Вы это знаете.

Она замерла. Потом положила золотой на верстак, рядом с моей красной ниткой.

— Платье к третьему браку, — сказала она тихо, — должно быть самым обсуждаемым в квартале.

— Будет, — ответила я. — Если вы перестанете его обсуждать до примерки.

Найла вышла. Я закрыла за ней дверь на крючок и вернулась к верстаку. Золотой лежал рядом с ниткой. Я положила его в ящик под замок, ключ привычно скользнул под рубашку, на шнурок, к медной бляхе гильдии.

За ширмой Ира Ло налила себе чай и сказала негромко:

— Она узнает про совет.

— Узнает, — ответила я. — Все узнают.

— Вы готовы?

Я взяла иглу, вдела нитку и посмотрела на подкладку. Серый холст ждал первого стежка.

— Я шью, — сказала я. — Остальное не мое ремесло.

До десяти оставалось два с половиной часа. Я шила.

До десяти оставалось три часа. Я села на свой стул и впервые за этот день почувствовала, что сижу на своем месте.

— Мастер Лейн, — прошептала она. — Вы только что отказали дракону.

Ира Ло поставила передо мной новую чашку чая, горького и крепкого, и я впервые за долгое время почувствовала, что собственный стол — это действительно мой стол. Книга с духами Тиссы лежала на верстаке, раскрытая на странице с подписью казначея, и я знала, что завтра в десять утра у печати Тирра мне придется либо назвать цену за эту правду, либо промолчать и шить свадебное платье для женщины, которая пахнет чужими долгами.

Глава 4. Общий обед

На его щеке, от виска до угла челюсти, тянулась рваная рана — будто кто-то полоснул ножом по живому, а потом забыл приложить тряпку. Кровь спеклась темной коркой, но под ней кожа была горячеей, живой, и сладковатый запах железа ударил меня в нос раньше, чем он открыл рот.

Я держала в руках моток ниток и оторвала взгляд от шитья только потому, что Ира Ло за стеной грохнула чугуном чайником — не от страха, от удивления, что огневик пришел ко мне лечиться, а не командовать.

Радан Опп сидел на табурете у моего верстака, в плаще нараспашку, и в мокрой коже пахло дождем, хвоей и той самой гари, которую я научилась узнавать из тысячи. На щеке у него наливался свежий ожог — будто кто-то приложил раскаленный уголь и подержал лишнюю секунду.

— Мне нужна перевязка, — сказал он. Не попросил. Просто поставил перед фактом, как привык ставить меня перед фактом все десять лет нашего брака.

Я промолчала. Отложила моток, вытерла руки о фартук и пошла к жестяной коробке на верхней полке. Там у меня хранились чистые ленты, мазь на козьем жиру с травами и игла в спирте — все, что нужно, когда к мастеру заходят не за платьем, а за помощью.

— Плащ снять? — спросила Ира Ло из-за перегородки.

Она не вышла, но голос был такой, будто стояла рядом и держала тетрадку наготове. Радан вздрогнул — я это увидела боковым зрением, по движению плеч — и сам стянул мокрую кожу с плеч, бросив на спинку табурета.

Под плащом была серая рубаша с чужой отметиной — не его гербом, а грубой красно-коричневой полосой поперек ворота, будто кто-то пытался прижечь или заклеить. Я запомнила. Не для сплетен, для себя: чужие метки на драконьей шее не появляются просто так.

Я намочила чистую тряпку в отваре из чабреца и положила ему на скулу. Радан дернулся, но руки не отнял — терпел, стиснув зубы. Кожа под моими пальцами была горячей, сухой, нездоровой для дракона, чья кровь должна была обжигать.

— Кто тебя так? — спросила я, не поднимая глаз.

— Не твое дело.

Я промолчала. Прижала тряпку плотнее, и он выдохнул сквозь зубы — короткий, рваный вдох, будто я сделала ему больно, а он не хотел этого показать. Я сменила тряпку на свежую, набрала на кончик пальца мазь, и только тогда посмотрела ему в лицо.

Под правым глазом, у самой скулы, кожа была содрана до мяса. Не боевой ожог — ожог от ткани. Я узнала этот цвет: рыжий, матовый, с четким краем, как от хорошо нагретого утюга. Такой след оставляет подкладка, вшитая с нитью и храмовым огнем, когда к ней прикасается тот, кто дал лож-

ную клятву.

Мои руки не дрогнули. Это было важно — чтобы не дрогнули. Я размазала мазь ровным слоем, отступила, оценивая. — Плащом зацепило, — сказал Радан. — За забором.

Я кивнула, не споря. Не мое дело — значит, не мое. Я наложила чистую ленту, прижала, примотала концы. Руки у меня пахли травами и чужим железом, и это было правильно — так пахнет мастер, когда работает, а не жена, когда терпит.

— Десять серебряных, — сказала я, завязывая последний узел. — Перевязка без снятия старой повязки — пять. Со снятием и мазью — десять. Будешь снимать сам — отдам ленты бесплатно.

Радан уставился на меня, и я увидела, как дрогнул кадык. Он ждал другой цены. Он ждал, что я назову его по имени, или спрошу, зачем ему ко мне, или скажу, что бесплатно, потому что десять лет назад я бы именно так и сделала.

— Я плачу, — сказал он. Голос был хриплый, незнакомый, будто им долго не пользовались.

Он положил монеты на верстак. Десять штук, одна к одной, рядком, как кладут солдат после смотра. Я сгребла их в горсть, не считая, и ссыпала в ящик под замком.

— И еще, — сказала я, закрывая крышку. — Завтра в десять утра у печати гильдии. Тирр будет ждать. Ты скажешь вслух, что покупаешь работу, а не мастера, распишешься в книге и отдашь десять золотых задатка. Не серебряных. Золотых. Тогда я возьмусь за подкладку под мундир.

Радан встал. Он был выше меня на полторы головы, и в тесной кухне его плечи заняли почти весь свет от окна. Я не отступила. Спинай к верстаку, руки в карманах фартука, ключ от ящика под рубашкой на шнурке, рядом с медной бляхой гильдии.

— Серебро устроит? — спросил он.

— Нет.

Я сказала это тихо, но так, что он услышал. Я видела, как он сжал челюсть, как дрогнула щека под моей свежей повязкой, как рука дернулась к поясу — привычным жестом, которым он когда-то вынимал кошель и бросал его на стол, не считая. Рука вернулась ни с чем.

— Золото, — повторил он. — Завтра в десять.

— У печати Тирра, — подтвердила я. — С формулой. И с распиской.

Радан натянул плащ, и мокрая кожа снова запахла дождем, хвоей и чужой гарью. У двери он обернулся, и я успела поймать его взгляд — не злой, не властный, а такой, будто он увидел меня впервые и не знал, куда поставить то, что увидел.

Дверь закрылась. Я постояла у верстака, досчитала до десяти, потом подошла к стене и постучала два раза костяшками пальцев.

Ира Ло вышла с тетрадкой, в которой было уже три страницы мелкого почерка, и молча протянула мне кружку горького чая. Чай был горячий и слишком крепкий, и это было

правильно. Руки у меня не дрожали. Голос у меня не дрожал. Это было важнее золота.

Горький чай остыл, прежде чем я оторвала от него губы. За стеной Ира Ло гремела посудой, и я слышала, как она один раз ударила полотенцем о стол — не нарочно, просто так громче получается думать.

Я пересчитала деньги.

Десять серебряных за перевязку лежали в ящике под замком отдельно от утренних десяти серебряных задатка за подкладку. Рядом — три золотых от Сторма за свадебное платье его жены. Еще золотой задатка от Найлы, хотя мерку мы только сняли и договор должны были подписать послезавтра. Всего пятьдесят восемь серебряных и четыре золотых. На три недели аренды кухни — тридцать серебряных, Тирр назвал цену вечером, когда принес ключ. На ткань для подкладки под мундир — двадцать серебряных, гильдейский сбор платит заказчик, и теперь это Радан, а не Тисса. На мазь, ленты и чистые тряпки — еще пять. Оставалось три серебряных на рот мне и Сель до конца недели, и это без учета угля для утюгов и свечей для вечерней работы.

Я записала столбик в тетрадь расходов, поставила на полях кривую пометку «Сторм» и закрыла тетрадь. Рука у меня не дрожала. Это было важно — чтобы не дрожала. После того как я снимала чужую повязку с чужого ожога, мне полагалось дрожать по старой привычке, но я отучилась.

Сель вынырнула из-за ситцевой ширмы, держа в руках мо-

ток белых ниток и собственную тетрадку, в которой ползали мои слова, записанные кривым почерком.

— Мастер Лейн, — сказала она и осеклась, покраснев до ушей. — Мастер, я не знаю, как правильно.

— «Мастер Лейн» правильно, — сказала я. — Или «учитель», если тебе так проще. Не «хозяйка», не «тетя Мира», не «бывшая».

Сель кивнула, утыкаясь в тетрадку.

— Запиши, — сказала я. — Плащ снят по моему требованию. Рана от ткани, не от ножа. Цвет рыжий, матовый, с четким краем. Это значит, что он прикасался к подкладке, в которую вшита нить и храмовый огонь. Метка чужая, не его гербом. Если на шее такие же — записывай отдельно.

Сель записывала, шевеля губами, и я видела, как у нее дрожит кончик пера. Четырнадцать лет, сирота из ремесленного квартала, впервые видит, как бывший муж дракона приходит к бывшей жене за перевязкой, а бывшая жена называет цену и получает серебро.

— Мастер Лейн, — сказала Сель, не поднимая глаз. — А если он завтра не придет к Тирру?

— Не придет, — сказала я. — Подкладка к четвергу не будет готова.

— А если он придет без золота?

— Серебро у него в кармане, — сказала я. — Я видела. Золото он доставать не привык. Завтра он будет торговаться.

Сель посмотрела на меня круглыми глазами, и я поймала

себя на том, что улыбаюсь. Не тепло, не по-родственному, а так, как улыбаются, когда впервые за долгое время понимаешь правила собственной игры.

Мы вернулись к шитью. Сель кроила подол к пяти вечера, я садилась к серому рулону на верстаке и отмеряла первый кусок подкладки под мундир стражи. Ткань была плотная, с матовым отливом, и когда я провела по ней ладонью, пальцы кольнуло холодком, будто я дотронулась до мокрого стекла. Хорошая ткань, гильдейская, платная. Та самая, за которую теперь заплатит Радан, а не Тисса.

Ира Ло постучала в стену два раза костяшкой. Я отложила ножницы, подошла к двери, и она вошла без зова — с чайником, с тетрадкой, с круглыми глазами соседки, которая впервые в жизни видела, как дракон отдает серебро бывшей жене за перевязку.

— Записала каждое слово, — сказала Ира, ставя чайник на край верстака. — И когда он назвал тебя по имени — тоже записала. Штраф пять золотых, десять за шаг внутрь. Я подам жалобу старосте, если ты скажешь.

— Не надо, — сказала я. — Это лишнее. Завтра он подпишет формулу или уйдет без подкладки.

Ира Ло посмотрела на меня так, будто хотела сказать что-то важное, но передумала. Вместо этого она налила мне чаю, себе, Сель, и мы пили молча, пока за окном темнело, а на верстаке лежал серый кусок ткани, который завтра должен был стать либо подкладкой под мундир стражи, либо первой

публичной работой мастера Лейн на новом месте.

В десять вечера я заперла кухню на ключ, спрятала ключ под рубашку рядом с медной бляхой гильдии и легла, не раздеваясь, на узкую койку у стены. Сель уже спала на полу, на чужом одеяле, подложив под голову сверток с нитками. Я слушала, как за стеной Ира Ло один раз уронила крышку чайника, как скрипнула лестница под ногами соседки, как внизу, на улице, хлопнула ставня.

Завтра в десять утра я узнаю, подпишет ли бывший муж золото, или вернется торговаться серебром. А пока — ткань на верстаке, ножницы наготове, и руки, которые больше не дрожат.

Руки мои лежали на сером куске, а ножницы так и не тронулись. Я сидела за верстаком и слушала, как за окном кто-то идет по мокрому песку — медленно, тяжело, будто несет на плечах невидимый мешок. Скрипнула ступенька под чужой ногой, и я узнала этот скрип: третья ступенька у Иры прогибалась на одну сторону, и так ходил только тот, кого она впускала не спрашивая.

Радан не постучал. Он просто появился в дверном проеме, снял плащ и повесил его на гвоздь у косяка — на тот самый гвоздь, куда я вешала свой рабочий фартук. От плаща пахло мокрой кожей, дождем и чужой гарью, и я на секунду перестала дышать, потому что этот запах был мне знаком до боли: так пахло его плечо в те ночи, когда он возвращался из казарм и ложился рядом, не раздеваясь.

— Свет горит, — сказал он, не здороваясь. — Значит, не спишь.

— Значит, работаю, — ответила я и положила ладонь на ткань, чтобы он видел: я занята. — Зачем пришел без золота?

Он сделал шаг внутрь. Я не зажмурилась, но взгляд отвела к окну, где на подоконнике стояла плошка с остывшим клеем. Штраф за шаг внутрь без ордера я ему еще утром выставила, и мы оба знали, что он его не заплатит. Но мне нужно было увидеть, как он это сделает — войдет мимо правила, как входил мимо моих просьб последние десять лет.

Радан сел на табурет у стены, не на мой рабочий стул, а на низкий табурет, который Сель таскала с собой. Положил руки на колени. На левой ладони у него белел свежий ожог — тот самый, который я видела утром, когда он стянул перчатку. Сейчас он не стал прятать руку в карман, и это было хуже любого нападения, потому что я не умела не смотреть на чужую рану.

— Пришел без золота, — повторил он. — Пришел спросить про ожог.

— Ожог не мой, — сказала я. — И не твой. Он от ткани, в которой вшита чужая нить и чужой огонь. Лечить его надо у того, кто эту нить пряд, а не у портнихи, которая кроит подкладки.

Он смотрел на меня так, будто я сказала что-то по-немецки, а он учил этот язык только в детстве. Потом провел боль-

шим пальцем по ожогу, и я увидела, как он сжался, но руки не убрал.

— Ты вшила свою нить в подкладку, — сказал он. — Я это почувствовал, когда ткань легла мне на ладонь.

— Я вшиваю свою нить в каждое полотно, которое выходит из моих рук, — сказала я. — Это называется подпись мастера. Это не против тебя, Радан. Это против тех, кто ворует чужую работу.

Он поднял голову, и я поймала его взгляд — не злой, не властный, а такой, будто он впервые за долгое время не знал, куда поставить то, что видит. Мне стало холодно, и я натянула рукав рубашки на запястье, потому что знала этот его взгляд. Так он смотрел, когда решал остаться, а не уйти. Так он смотрел на меня в первую ночь, когда снял с меня серьги и положил их на тумбочку у кровати.

— Я принес двадцать серебряных, — сказал он. — Золото будет завтра у Тирра. Подкладка нужна к четвергу. Ты можешь отказать, и я уйду. Но я прошу.

Он достал из кармана два свертка — серебро и золото — и положил их на край верстака, подальше от ткани. Я посмотрела на монеты, потом на его ладонь, потом снова на монеты. Двадцать серебряных за работу, которую я обещала сделать за двадцать. Десять золотых задатком сверху, которых я не просила, но которые означали одно: он хочет, чтобы я не ушла, даже если обидится.

Я встала, обошла верстак и встала напротив него. Табурет

был низкий, он сидел, я стояла, и это давало мне ту высоту, которой у меня никогда не было в его доме.

— Покажи руку, — сказала я.

Он протянул левую ладонь, не снимая перчатки. Я стянула перчатку сама — пальцами, осторожно, потому что кожа у него была сухая и горячая, и я знала, что если дерну, он не вздрогнет, но запомнит. Ожог лежал на ладони рваным рыжим пятном с белым краем, и под ним проступал рисунок, похожий на вензель — чужой, не его гербом. Я провела кончиками пальцев по краю, и он зашипел сквозь зубы, но руки не отнял.

— Это не от меня, — сказала я. — Это от ткани, в которой уже лежала чужая нить. Я не могу снять этот ожог, потому что нить чужая. Я могу перевязать, чтобы не гноился.

— Перевяжи, — сказал он.

Я взяла с полки чистую тряпицу, мазь в глиняной плошке, села обратно на свой рабочий стул и начала накладывать повязку. Его рука лежала у меня на коленях, тяжелая и горячая, и я чувствовала, как под кожей у него бьется пульс — ровный, слишком ровный для человека, которому перевязывают рану бывшая жена. Я затянула узел, отрезала лишнюю ткань ножом, который лежал на верстаке, и отпустила его руку.

Он не убрал руку сразу. Несколько секунд она лежала у меня на коленях, и я смотрела на его пальцы — длинные, с обкусанными ногтями, с мозолью от меча на указательном.

Потом он убрал руку, натянул перчатку поверх повязки и встал.

— Двадцать серебряных за перевязку, — сказала я. — Десять золотых задатком сверху. Золото у Тирра завтра в десять, формула тоже у Тирра. Если ты не подпишешь — подкладки не будет.

Он кивнул, глядя на свою перевязанную ладонь, и голос у него был хриплый, когда он ответил:

— Подпишу.

Я не поблагодарила. Он не поблагодарил. Он взял плащ с гвоздя, и на одну секунду его пальцы задержались на дереве косяка — там, где я каждое утро вешала свой фартук. Потом он вышел, и дверь закрылась тихо, будто он впервые в жизни старался не хлопать.

Медная бляха гильдии стукнула о стол, когда я положила ключ на верстак. Руки у меня были заняты иглой, и я не хотела их распарывать, поэтому просто переложила нить в зубы и дотянулась до шнурка сама — неловко, как в детстве, когда учишься завязывать первый узел. Шнурок скользнул по шее, бляха легла рядом с ключом, и я почувствовала, как оба холодных кусочка легли точно в ямку между ключицами. Утром они там не лежали. Утром я сняла их, когда мыла пол, и забыла надеть.

За стеной у Иры пахло мятой и горелой кашей. Она грела чайник с утра и к обеду не выключила, потому что ждала меня. Я знала, что она ждет, и от этого становилось стыдно

не за задержку, а за то, что я перестала считать чужое ожидание долгом. Раньше я бы бросила иглу и пошла. Теперь — допила строчку, откусила нить и только потом встала.

Радан не пришел бы сегодня. Он приходил вчера и позавчера, и каждый раз я выставляла его за порог раньше, чем он успевал снять плащ. Сегодня утром я сама отнесла Тирру двадцать серебряных за работу и десять золотых задатком, и Тирр поставил свою печать в книгу гильдии, не поднимая глаз. Он не сказал ни слова про вчерашний штраф. Он знал, что я знаю, что он его не заплатит, и мы оба делали вид, что это не срочно. Но книга была открыта, и запись в ней теперь была моей.

К обеду я закончила подол. Сель принесла из лавки лепешку с творогом и стакан теплого кваса, и мы ели молча, сидя на полу у печки, потому что за столом лежала ткань, а ткань не терпит крошек. Сель жевала быстро и смотрела на меня так, будто я в любой момент могу встать и сказать, что я не настоящий мастер. Я не сказала. Я доела лепешку, обтерла пальцы о фартук и взялась за вторую примерку.

Найла должна была прийти к четырем.

Она пришла к трем, и Ира впустила ее без стука, потому что так у нас было заведено: кто пришел раньше, тот и ждет. Найла вошла в новой шляпке, с саквояжем, надушенная так, что у меня защипало в носу, и остановилась у порога, оглядывая кухню. Она искала, к чему придраться.

— Тут тесно, — сказала она.

— Тут шьют, — ответила я. — Раздевайтесь.

Она не разделась. Она села на табурет, положила саквояж на колени и стала смотреть, как я разворачиваю ткань. Я не торопила. Я разложила подол на столе, проверила шов, подняла глаза.

— Мерки вчера сняли, — сказала я. — Сегодня вторая примерка. Завтра третья. Послезавтра платье.

— А если мне не подойдет?

— Подойдет. Я шью по вашим меркам, а не по вашим капризам. Если каприз — это отдельная такса, серебряный за каждый.

Найла фыркнула, но не встала. Она расстегнула саквояж, вынула отрез кружева, который я заказывала для нее через гильдейского мастера, и положила на край стола. Я взяла кружево, поднесла к свету, провела пальцем по краю. Кружево было мягкое, добротное, с мелким узором. Я отложила его к ткани и кивнула.

— Сойдется.

— Сойдется, — повторила она и вдруг замолчала, глядя на мои руки. Я держала кружево за самый край, двумя пальцами, и она смотрела на мои пальцы так, будто впервые видела, как кто-то держит чужую работу. Потом она сказала, тише, чем обычно: — Мира. Я слышала, что дракон приходил к вам.

Я не ответила. Я отрезала кусок кружева по косой, положила его к подолу и прикинула, как он ляжет на груди.

— Я слышала, — повторила она. — И что он положил на стол двадцать серебряных.

— Вы слышали много, — сказала я. — Вы слышали даже то, чего не было.

— Мира, — сказала она, и голос у нее стал мягкий, как у женщины, которая пришла не снять мерку, а поговорить. — Я замуж выхожу третий раз. Я знаю, как это — когда бывший возвращается с деньгами и думает, что деньги все решают.

Я положила ножницы. Я посмотрела ей в глаза. Она не отвела взгляд, и впервые за два дня я увидела в ней не сплетницу, а женщину, которая трижды надевала чужое имя и каждый раз теряла в нем кусок себя.

— Он положил двадцать серебряных за работу, — сказала я. — И десять золотых задатком сверху. Золото у Тирра, печать в книге. Это не подарок. Это плата за подкладку под мундир стражи. Он пришел как заказчик. Я приняла его как заказчика. Завтра в десять у Тирра он подпишет формулу.

— Какую?

— Формулу «я покупаю работу, не мастера». Без нее я его в ателье не впущу, и подкладки не будет.

Найла молчала. Потом она сказала:

— А если он не подпишет?

— Тогда подкладки не будет, и он уйдет. А вы, Найла, снимете мерку завтра утром, и послезавтра у вас будет платье, которое сшито в кухне над чайной лавкой, но которое сидит лучше, чем у любой мастерицы в ратуше.

Она встала, растянула саквояж, вынула из него сверток с задатком — один золотой, как было условлено — и положила на край стола. Потом она посмотрела на меня и сказала:

— Я сниму мерку сейчас. Третью. И подпишу договор у Тирра сегодня, а не послезавтра. Потому что вы, Мира, шьете так, как будто вам не все равно. А мне надоело, когда все равно.

Я села обратно на стул, развернула ткань, подняла глаза.

— Раздевайтесь, — сказала я. — Третья мерка будет последней.

Она разделась. Я сняла мерку — грудь, талия, бедра, длина по спине, длина рукава, обхват шеи. Записала в тетрадку кривым почерком, потому что Сель еще не вернулась, а моя рука к вечеру всегда трясется от нитки и иглы. Найла стояла посреди кухни в одной нижней рубашке, и я видела, как у нее на плечах дрожит мелкая дрожь — не от холода, а от того, что ее впервые за долгое время кто-то меряет не для свадьбы, а для платья, которое будет сидеть.

Когда она оделась и ушла, я отнесла задаток в ящик под замок, достала оттуда договор с Раданом, который он так и не подписал, и положила его рядом с ключом и бляхой на шнурке. Потом я сняла фартук, повесила его на гвоздь у косяка и пошла к Ире пить чай.

Ира Ло хлопнула крышкой чайника — не сильно, а так, как хлопают, когда злятся на ровном месте.

— Огневик у фонтана, — сказала она, не глядя на меня.

— Сторм без шапки. Дождь кончился, а они мокнут.

Я перестала пересчитывать стежки. Подкладка под мужское плечо, серый холст, сорок четвертый ряд, двести двенадцатый стежок — я знала счет, как собственное имя. Я положила иглу в фарфоровую мыльницу, поднялась и подошла к окну.

Радан Орр сидел на каменном бортике фонтана в мокрой серой рубашке, без плаща, без перчаток, без кольца. Сторм стоял рядом, держа его куртку, которую, видимо, отдал хозяину по дороге. На скуле у Радана багровел свежий ожог — тот самый, рыжий, с четким краем, от ткани с храмовой нитью. Левая рука висела плетью, в пальцах зажата тряпица, из-под которой сочилось.

— Он же не уйдет, — сказала я вслух.

— Не уйдет, — подтвердила Ира Ло. — Сторм уже два раза подходил ко мне за нитками. Я сказала — у мастера нет лишних ниток на чужую рану.

— И что он?

— Сказал — подожду.

Я стояла у окна и смотрела на собственную табличку над дверью: «Мастерская свадебных платьев. Мастерница Мира Лейн». Медные буквы тускло блестели в свете фонаря. Чужие шаги по мостовой звучали глухо, как будто город решил не подслушивать.

— Ира, — сказала я. — Принеси мне ключ от черного хода. И тетрадь.

Она не переспросила. Она знала, что я не пушу его через парадное: парадное крыльцо — это сцена, а черный ход — это перевязочная. Она вынула из фартука медный ключ, положила на край стола, перевернула тетрадь на чистую страницу и подвинула ко мне вместе с огрызком карандаша.

Я села за стол, написала крупно, через всю страницу: «Число. Время. Принят раненый Радан Опп через черный ход по просьбе соседского дома Иры Ло. Перевязка ожога ткани у левого предплечья. Подпись мастера отсутствует, мастер не заказчик. Действие по статье двенадцатой устава гильдии ткачей о скорейшей помощи раненому в мастерской».

Потом я поднялась, спрятала тетрадь в карман фартука, положила в жестяную коробку четыре чистые ленты, баночку мази на козьем жиру с травами, иглу в спирте, скатанный бинт и чистую тряпку. Коробка была тяжелее, чем я думала. Я перехватила ее под левую руку, правой взяла ключ и пошла к черному ходу.

Лестница пахла мылом и подгоревшим тестом от Иры Ло. На третьей ступеньке я остановилась и пересчитала: двадцать ступенек вниз, дверь в закуток за угольным ящиком, оттуда — выход во двор. Двор был узкий, между нашим домом и соседним сапожником, и в нем стояла лавка без одной ножки, которую Сель собиралась починить третью неделю.

Я открыла дверь и шагнула во двор.

Сторм увидел меня первым. Он выпрямился, дернул Ра-

дана за плечо — не сильно, но настойчиво. Радан поднял голову. Он действительно сидел без движения, как человек, который решил ждать, пока ему не разрешат встать.

— Мастер Лейн, — сказал Сорм. Не позвал, не попросил — зафиксировал, что я вышла.

Я кивнула ему, как кивают свидетелю при исполнении.

— Радан Орт, — сказала я и остановилась в двух шагах. — Перевязка через черный ход. Не заказ. Ты не заказчик, я не твоя мастерица. Делаю по статье двенадцатой, как соседскому раненому. Подпись мастера не ставлю, в книгу заказов не записываю. Цена перевязки — десять серебряных за работу и нитки, оплата вперед, иначе я уйду обратно в мастерскую. Условия ясны?

Он смотрел на меня снизу вверх. У него в глазах не было той хриплой властности, которую я помнила по десяти годам брака. Была усталость, и подсохшая кровь на подбородке, и крупная дрожь в плече, которую он пытался спрятать, натягивая ворот рубахи.

— Заплати, — сказал он Сорму, не отводя от меня взгляда.

Сорм полез в карман, выудил две монеты по пять серебряных — старые, стертые, с отметиной гильдейского перекупа — и положил мне на ладонь. Я пересчитала вслух, для Иры Ло, которая наверняка уже стояла за дверью с тетрадкой:

— Десять. Серебро. Принято.

Я сунула монеты в карман фартука, развернулась и пошла к черному ходу. На пороге я не оглянулась. Я просто оставила дверь открытой на ширину ладони — ровно настолько, чтобы человек с больной рукой мог пройти, не задев косяк.

Радан Опп прошел в дверь.

В закутке за угольным ящиком я поставила коробку на перевернутый ведро, сама села на лавку без ножки и показала ему на табурет, который Сель притащила из мастерской еще утром. Табурет был низкий, неудобный, но чистый.

— Сядь, — сказала я. — Руку на колено. Локоть не сгибай.

Он сел. Сторм встал у двери, привалившись плечом к косяку, и я слышала, как он с облегчением выдохнул — тихо, но я слышала. Я на мгновение подняла глаза и увидела, что Ира Ло действительно стоит за углом с тетрадкой, и огрызок карандаша у нее уже наготове.

Я размотала тряпицу на его руке. Под ней была полоса ожога от запястья до локтя, розовая, с лопнувшими пузырями. Не глубокая, но грязная: ткань прикипела к коже, и когда я стянула остатки, из-под них выступила сукровица. Пахло паленой шерстью и железом.

— Кто тебя так? — спросила я, не поднимая головы. В прошлый раз он не ответил. Но в этот раз я добавила: — Мне нужно знать, потому что если это не ожог от ткани, я не знаю, какой мазью мазать.

— От ткани, — сказал он хрипло. — Я упал на подол,

когда меня вывели из дома Исс.

— Кто вывел?

— Вира.

Я промолчала. Я набрала на кончик пальца мазь, тонким слоем провела по обожженной коже, и он выдохнул сквозь зубы — рваный, короткий вдох, но руки не отнял. Я положила чистую ленту, обмотала от запястья к локтю, закрепила узлом.

— Через два дня сменить, — сказала я. — Сюда можешь не приходить. Передашь через Сторма, Ира Ло перевязет внизу. Десять серебряных за второй раз.

— Мастер Лейн, — сказал он.

Я подняла глаза. Он смотрел на меня, и в этом взгляде не было ни властности, ни хрипоты, ни приказа. Была усталость и что-то похожее на благодарность, которую он не умел выразить.

— Не благодари, — сказала я. — Я принимаю благодарность в серебре. С тебя уже взято. Иди.

Он встал. Сторм отлепился от косяка. Я закрыла за ними дверь, повернула ключ, пересчитала стежки на коробке с мазью — четыре банки, четыре ленты, две иглы — и пошла обратно в мастерскую.

Ира Ло уже сидела за моим верстаком. Она дописала в тетради время и поставила точку.

— Десять серебряных, — сказала она. — Записано.

— Запиши отдельно, — сказала я. — Перевязка через

черный ход, не заказ. Без подписи мастера. На случай, если он завтра решит, что я была ему должна.

Она кивнула и записала. Я сняла фартук, повесила его на гвоздь, вымыла руки в тазу, вытерла чистой тряпкой и села за стол. Сорок четвертый ряд, двести двенадцатый стежок. Игла в фарфоровой мыльнице ждала меня.

Я взяла ее и начала шить.

Ира налила мне в чашку горькой бурды и ничего не спросила. Она знала, что я расскажу сама, когда буду готова. Я готова не была, но я все равно сказала:

— Завтра он подпишет.

Ира кивнула. И впервые за два дня я увидела, как она улыбается.

Глава 5. Сломанная дверь

Ночь упала рано, и манекен у стены выглядел как свидетель, которому я не доверяла. Я заперла мастерскую на оба засова, прошла в кухню, зажгла огарок и выложила из кармана фартука ключ на ладонь. Тяжелый, медный, без царапин. Ира давно не меняла замок, но засов внизу двери проржавел и уже дважды не закрывался до конца. Я поддела его ножом, налегла плечом, и дерево наконец встало в паз с сухим щелчком, который я почувствовала зубами.

Завтра придет Сторм с новой запиской. Завтра придет Радан. Завтра Сель притащит моток кружева, который я заказала для подола Найлы, и будет ныть, что я не плачу ей за испорченные нервы. Но сначала я должна была спрятать то, что лежало в кармане уже два часа и жгло бедро сквозь подкладку.

Я вытащила записку. Три строки, мелкий незнакомый почерк, без герба, без подписи, без сургуча. Ира Ло не умеет писать так ровно, значит писала не она. Чернила были лиловыми, казенными, такими, какими заправляют реестры в ратуше. Записка пахла пылью, сухой розмариновой водой и чужим одеколоном, в котором я не хотела признавать знакомую ноту.

Я развернула бумагу на столе, придавила медным пресс-папье Подкладка не из дома Опп, мерки сняты с невесты

гильдейской мерной лентой, спорных примет нет. Проверь шов под лентой, если хочешь. Я не уберу нить из ткани. Тисса.

Я перечитала дважды. Тисса Орт знает, что я вшила свою нить. Тисса Орт знает, что нить уже сидит в подкладке. Тисса Орт предлагает мне проверить шов, будто я сама не знаю, где он лежит. И главное мне предлагают не убирать нить, потому что я и не собиралась. Это была не просьба. Это был доклад.

Я сложила записку вчетверо, потом еще раз, потом еще, пока она не стала плотным квадратиком, и спрятала под половицу у печки, туда, где уже лежала казенная бумажка с личной печатью Тирра. Третья доска слева, слегка люфтит, но это мой люфт, и в ателье о нем знали только я и Сель. Ира Ло подозревала, но не спрашивала.

Я села на табурет, вытерла ладони о фартук и впервые за день почувствовала, что устала не спиной, а горлом. Под ложечкой тянуло. Тисса Орт знала мой почерк работы. Она видела шов раньше, чем Радан показал мне свою ладонь. Значит, она видела ладонь Радана раньше, чем я.

От этой мысли стало холодно, и я пошла заварить себе горькой травы, потому что сон все равно не шел. На пороге задержалась. В двери торчал клин, старый, сосновый, с медной шляпкой. Я не вставляла его сегодня. Я сунула его туда вчера, когда уходила к Ире, чтобы дверь не хлопнула от сквозняка. Значит, кто-то открыл дверь, вынул клин и снова закрыл. Аккуратно, почти беззвучно. Ира не стала бы. Сель

не умеет так тихо.

Я замерла, прислушиваясь к дому. Скрипнула половица в коридоре. Тихо, как будто кто-то большой перенес вес с ноги на ногу. Потом все стихло. Я не двигалась, потому что знала этот тип тишины. Он стоял за стеной и ждал, пока я закрою ящик под замок и уберу ключ на шею.

Я положила ключ на стол, а не на шею. Если он войдет, я не хочу, чтобы он видел ключ на моей коже. Если он не войдет, я закрою ящик позже. Я зажгла вторую свечу, поставила рядом с первой и начала считать вслух, медленно, по одному, шепотом. Раз. Два. Три. На семь дверь скрипнула. На двенадцать в проеме встал Радан Опп, без плаща, без перчаток, в серой рубаше, закатанной по локоть, и я впервые увидела его руки без перчаток в своей мастерской.

На левой ладони у него была повязка, которую я наложила вечером. На правой, на костяшках, краснела содранная кожа, свежая, с засохшими точками крови. Он вошел без ордера. Он вошел без стука. И он знал, что засов у двери сломан.

Ты сломал мой засов, сказала я. Слово сорвалось раньше, чем я подумала, что говорю.

Он не ответил. Сделал шаг, остановился, посмотрел на мои руки, на ключ, лежащий на столе, на пресс-папье, и я увидела, как у него дернулась скула под рыжим ожогом, который я ему перевязывала утром.

Я не знала, что он сломан, сказал он наконец. Я думал, ты поставишь новый.

Я смотрела на него и молчала, потому что он не спрашивал. Он никогда не спрашивал. Он приходил и менял. Менял двери, замки, повязки, правила. А теперь стоял в моей кухне с содранными костяшками и ждал, пока я подам ему бинт и кипяток, как подавала пять лет.

Я не подам. Я отметила это внутри себя, как ставят галочку в длинном столбце, и пошла к печке, где уже стоял горячий чайник. Я налила ему не чай, а кипяток в жестяную кружку, и поставила на стол напротив ключа. Между нами была свеча, клин в двери и его собственная кровь на костяшках.

Промой руку, сказала я. Потом покажешь, что написано. Не спрашивай, я знаю, что у тебя в кармане. У тебя всегда в кармане бумага, которую ты не хочешь показывать.

Он сел. Взял кружку. Посмотрел на ключ, потом на меня. Под повязкой на правой руке тянуло, я видела, как он разжал пальцы и снова сжал, потому что ладонь горела. Я знала, как горит такая ладонь. Я сама вшивала в подкладку нить, от которой он не мог избавиться.

Сначала рука, сказала я. Потом бумага. Иначе я не открою ящик.

Я достала из-под печки жестяной короб с перевязочным запасом и бросила его на стол рядом с ключом. За стеной, в чайной Иры, давно не скрипело, но я знала, что она не спит: когда Ира Ло не спит, у нее в печке гудит, а гудело там с тех пор, как я слышала шаги в коридоре.

— Промывай, — повторила я и подвинула к нему глиняную плоску с горячей водой, в которой уже распустила кусок засохшей ромашки. — Пальцы в воду. Всю кисть, повязку не снимай. Если жжет, значит живешь.

Он не огрызнулся. Это было хуже всего — когда Радан Опп не огрызнулся. Он сел к столу, положил ладонь в воду, и по его лицу прошла короткая судорога, которую он тут же стер, потому что привык не показывать. Ромашковая вода порозовела. С пальцев ушла засохшая кровь, и я впервые увидела, что под содранной кожей у него не обычная рана, а двойной ожог: рыжий матовый след от моей нити лежал поверх свежей красно-коричневой метки, которую я на нем раньше не видела. Метка шла поперек костяшек, ровно, как от кольца.

— Кто это тебя? — спросила я.

— Казначей, — ответил он коротко. — Бранн Кейл. Заплати мне за молчание перстнем.

Я села напротив. Посмотрела на его руку в моей воде, на розовые разводы, на собственный ключ, лежащий на столе. В голове стало очень тихо, как бывает тихо, когда кусок ткани ложится точно по выкройке и ты знаешь, что крой правильный.

— Бранн Кейл, — повторила я вслух, чтобы услышать, как это звучит в моей кухне. — Ты пришел ко мне ночью, без ордера, через сломанный засов, чтобы я промыла тебе ожог от кольца человека, который стоит за тем же займом,

под который тебя женили на Тиссе Опп. Ты понимаешь, что я сейчас должна тебя выставить?

Он поднял на меня глаза. Рыжий ожог под скулой стягивал кожу, и от этого левая бровь казалась выше правой.

— Понимаю, — сказал он. — Но у меня в кармане не бумага. У меня в кармане подкладка. От подкладки, которую я сегодня днем снял с мундира стражи, когда меня вызвали на совет.

Он вынул из кармана рубахи сложенный вчетверо кусок серой ткани с отливом. Моей ткани. Я узнала крой, которым подшивала рукав. Я узнала нить, которой прошивала шов. Я узнала свою кровь, впечатанную в волокно, и от нее у меня перехватило горло.

— Положи на стол, — сказала я. — Медленно.

Он положил. Ткань лежала между нами рядом с ключом, и ключ я переложила к себе на колени, потому что не хотела, чтобы он лежал рядом с моей работой.

Я развернула подкладку, посмотрела на изнанку. Шов, который я мелкими стежками вела под мышкой, был тронут чужой рукой. Нить натянулась, в одном месте чуть вытянулась из волокна, но не порвалась. Значит, ткань пытались снять без меня. Значит, Бранн Кейл или кто-то из его людей узнал, что в подкладке сидит моя нить, и хотел убрать улику до совета. Не вышло: нить не вынимается без мастера.

— Ты принес мне это, — сказала я, — чтобы я починила шов и закрепила нить. Ты платишь мне двадцать серебряных

за то, чтобы я перешила твою улику. Я правильно читаю?

— Правильно, — сказал он.

— Тогда слушай цену. Плата — тридцать серебряных, потому что работа ночная и в моем доме, а не в мастерской. Задаток — десять золотых в гильдейскую книгу у Тирра, завтра в десять утра, при свидетеле. И третье: ты при всех, у печати гильдии, произносишь формулу «я покупаю работу, не мастера» и расписываешься в книге. Без этого нить закреплять не буду. Она и так держит, но если ты хочешь, чтобы совет увидел, что подкладка не тронута, пусть увидят, что за ней стоит мастер, а не твой казначей.

Он смотрел на меня. Вода в плошке остывала, ромашка осела на дно, и я видела, как у него побелели костяшки — не от воды, от того, что он сжимал кулак.

— Тридцать серебряных у меня с собой нет, — сказал он.

— Значит, доставай, что есть, — сказала я. — У тебя всегда в кармане бумага, которую ты не хочешь показывать. Я видела твой перстень на столе у казначея. Я вижу чужую метку у тебя на руке. Я не буду спрашивать, зачем ты снял подкладку с собственного мундира и принес ее мне ночью, через сломанный засов, без стука. Я спрошу одно: ты готов отдать подкладку совету храмов как улику, или ты пришел залатать дыру, чтобы совет ничего не увидел?

Он молчал. Я поднялась, сходила к печке, сняла с крюка чистую тряпицу и бросила ему на колени, чтобы он вытер руку. Он поймал одной левой, потому что правая лежала в

воде и горела.

— Подумай до утра, — сказала я. — Платеж и формула — у Тирра, в десять. После этого я закреплю нить, перешью шов, и подкладка пойдет в совет. Если завтра тебя у печати не будет, я отнесу ткань к Ире Ло как свидетельнице, и она сама решит, кому ее передать. Дверь я тебе открыла. Засов ты сломал сам. Утром я вызову плотника, и ты заплатишь за замок отдельно.

Я забрала подкладку со стола, свернула, спрятала в короб под половицу, туда же, где уже лежала записка Тиссы. Третья доска слева, мой люфт. Он смотрел, как я это делаю, и не пытался остановить, потому что знал: нить в ткани не пустит чужую руку.

— Уходи, — сказала я. — Через кухню Иры не ходи, она записывает шаги. Иди через черный ход, как пришел.

Он встал, вытер руку, посмотрел на меня еще раз и вышел. Скрипнула половица в коридоре, потом все стихло. Я заперла ящик под замок, надела ключ на шею, поднесла свечу к двери и увидела, что сосновый клин снова торчит в пазу. Он вставил его с той стороны, аккуратно, чтобы дверь не хлопнула. Это было хуже всего.

Я села за стол, выложила перед собой монеты, которые он успел положить у пресс-папье, пока я ходила за тряпичей. Десять серебряных и одна золотая монета, новая, с медным отливом, казенной чеканки. Я завернула их в чистую бумагу, написала: «Радан Опп, задаток за ночную перевязку и пере-

шив подкладки, без герба», — и положила под ту же половицу. Утром я отнесу золотую Тирру. Утром я надену фартук. Утром я буду сидеть за верстаком и ждать, войдет он через дверь, которую починит плотник, или останется по ту сторону клина, который он сам вставил мне в паз.

Клин торчал в пазу ровно, без щели. Я провела по нему пальцем — сосна была теплая, будто кто-то держал ее в руках не меньше минуты, пока вставлял. Провернула — не вытаскивается, засело намертво. Это не небрежность, это аккуратность, и от нее в груди стало холоднее, чем от ночного сквозняка.

Я подняла с пола оброненную тряпицу, которой он вытирал руку. Тряпица пахла дымом, железом и чужими духами — резкими, медово-горькими, не его. Он ими не пользовался. Значит, рядом с ним сегодня стояла женщина, которая пользуется. Я сложила тряпицу вчетверо и сунула в карман фартука. Потом передумала, вынула, положила под ту же половицу, к монетам и подкладке. Пусть лежит со своей компанией.

За печкой тикали ходики. Два ночи. До рассвета семь часов, до десяти у Тирра — восемь. Я села за стол, пододвинула к себе медное пресс-папье и стала думать по порядку, как привыкла думать над выкройкой: сначала мерка, потом ткань, потом шов, потом примерка.

Мерка. Он пришел через черный ход, сломал засов, принес подкладку с моей нитью и ожог от кольца Бранна Кейла.

Он сделал это не потому, что я его позвала. Он сделал это потому, что совет храмов завтра увидит подкладку без моей нити — а нити в ней уже нет, он сам сказал, что снял. Значит, кто-то в казарме эту нить вытащил, пока мундир висел в сушилке. Вытащить мою нить нельзя без мастера. Можно вытащить, если мастер даст разрешение. Я разрешения не давала. Значит, разрешение дал кто-то, у кого есть право говорить от имени дома Опп. У него. У его матери. У Тиссы.

Ткань. Подкладка лежит у меня под половицей, свернутая, нетронутая, но без магии. Я развернула ее на столе, поднесла свечу. Шов под мышкой тянулся мелкими стежками, ровный, мой почерк. Нить в одном месте вытянулась из волокна, но не вынулась — это видно по тому, как лежит сгиб. Кто-то тянул пинцетом или тонкими клещами, сильно, но осторожно. Не порвал, потому что нить с кровью мастера рвется только с кожей того, кто тянет. Значит, тянули в перчатках. Но перчатки не спасут от запаха. Ткань пахнет железом, медью и чуть-чуть — жженой бумагой. Это запах казенной печати. Рядом с этой подкладкой лежала бумага с печатью.

Шов. Я взяла иглу, самую тонкую, продела в ушко свою нить — не ту, серую с отливом, а другую, которую держу в отдельной коробке: красную, с вплетенной каплей моей крови и крошкой храмового огня. Эту нить я вшила в свадебную подкладку для Тиссы, вшила в подол для Найлы, вшила в рукав для мундира стражи. Вшиваю в каждое полотно, которое

уходит из моих рук, потому что это моя подпись, и подпись нельзя подделать, и подпись нельзя вытащить без меня.

Я примерила нить к вытянутому месту на подкладке. Встанет. Но вшивать я ее не буду, пока не получу три вещи: тридцать серебряных за ночную работу, десять золотых за датком в гильдейскую книгу и его подпись под формулой у Тирра, при свидетеле. Иначе я снова буду шить ему по старой памяти, а старая память у меня уже дымится.

Примерка. Я подумала, как эта подкладка ляжет завтра на стол перед советом храмов. Совет увидит серую ткань с отливом, увидит вытянутую нить, увидит, что мастера при перешивке не было. Подумает, что подкладку вскрыли. Подумает, что Радан Орт либо знал и молчал, либо не знал и его обманули. В обоих случаях ему конец. В первом — как соучастнику, во втором — как дураку. Ни то, ни другое ему не подойдет.

Значит, он пришел не за починкой. Он пришел сказать мне, что подкладку вскрыли без его ведома, и спросить, могу ли я доказать, что вскрыли. Могу. Нить не вынута, а вытянута, и это видна разница. Кто тянул — видно по перчатке: кожа перчатки зажалась на моей нити, как за жаривается на угольке, и эта кожа теперь сидит в волокне, черная, маленькая. Ее можно достать иглой и показать совету. Но это будет стоить ему не тридцати серебряных и не десяти золотых. Это будет стоить ему имени, которое он произнесет у печати.

Я убрала иглу, убрала красную нить в коробку, заперла

коробку. Подкладку свернула обратно, положила под половицу. Заперла ящик. Надела ключ на шею. Погасила свечу на столе, оставила тонкую, у двери, чтобы видеть, не скрипнет ли половица.

Не скрипнула. Он ушел.

Я легла на узкую койку у стены, натянула одеяло до подбородка. Рядом, на табурете, лежал фартук, в кармане — тряпица с чужими духами. Я переложила фартук на пол, под голову, чтобы запах не лез в сон. Запах все равно лез, медово-горький, как будто кто-то натирал им волосы у меня над ухом.

Сон не шел. Я лежала и слушала, как за стеной Ира Ло перебирает чашки — она всегда перебирает перед рассветом, чтобы занять руки. Потом встала, прошла к печке, подкинула полено, вернулась. Легла снова. Считала не овец, а монеты: тридцать серебряных, десять золотых, подпись у Тирра. Потом считала иначе: одна золотая, которую он оставил на столе, десять серебряных, ключ на шее, подкладка под половицей, чужие духи в кармане фартука.

Когда за окном посинело, я встала, умылась холодной водой, надела чистую рубаху, поверх — фартук. Волосы собрала под косынку. Ключ спрятала под ворот. В коробке, кроме красной нити, лежала тонкая деревянная линейка с медной насечкой — мерка для подкладки. Я сунула линейку в карман. Если он придет к Тирру без нее, я все равно буду знать размер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.